

«Море любви – тысячегорбый из волн верблюдов...» К.Кедров

ПО

Ж У Р Н А Л

№ 8 (52)

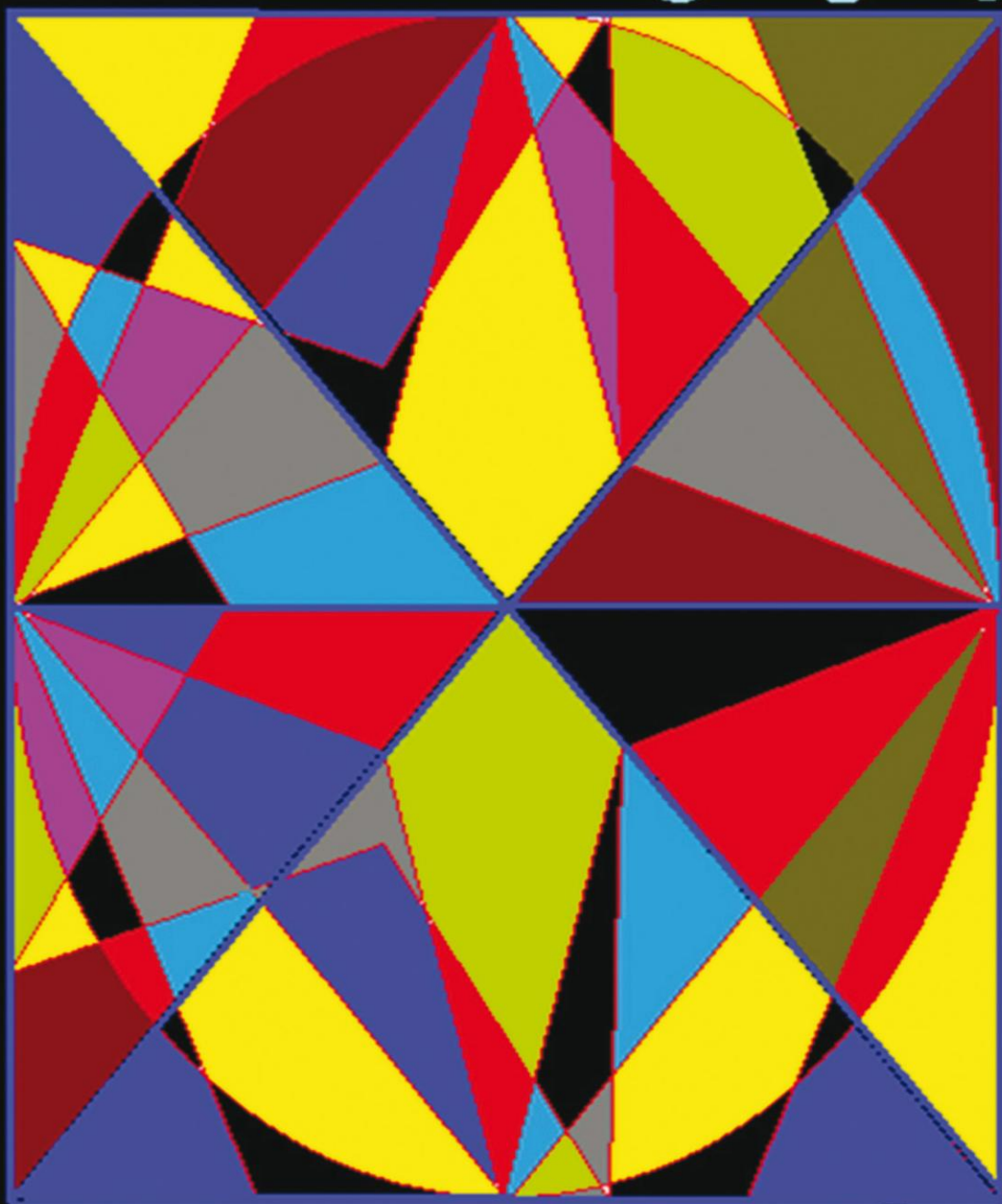
2013

ЭТО

Море — смеялось

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАль
Заморское море
(компьютерная графика)

Галина Мальцева
ДООС – стреказелла
Синяя рыбка желаний
в черном море

Стежись вместе с морем

2-3-4-5

Константин Кедров

6

Сергей Бирюков, Елена Атланова

7

Лиза Готфрик

8-9

Любовь Саломон, Борис Колымагин,
Кристина Зейтунян-Белоус,
Александр Петрушкин

10-11-12-13

Елена Кацюба

14-15-16-17

Ольга Адрова, Николай Сазонкин, Анатолий
Кудрявицкий

18-19

Кира Сапгир, Кирилл Ковальджи,
Света Литвак, Александр Вепрёв

20-21

Ирина Силецкая, Ярослав Вокал,
Поздравляем

22

Елена Краснощекова, Анна Лампасова

23

Григорий Князев, Анатолий Нестеров

24-25

Мария Теплякова, Андрей Коровин,
Елена Краснощекова

26

Дмитрий Белолипецкий,
Светлана Крюкова

27

Елена Трояновская, Александр Иосифов

28-29

Надежда Шляхова, Галина Якубовская,
Александр Корамыслов

30-31

Валерий Мутин, Константин Кедров,
Элла Матвеева

32

Владимир Миодушевский

33

Евгений Гусев, Игорь Ревякин

34

Николай Ерёмин, Елена Краснощекова

35-36-37-38-39-40

Валерий Байдин, Александр Иосифов

41

Виктор Клыкков, Ия Кива

42-43

Мария Однолетко, Ольга Реймова,
Максим Зигизмунд

44-45

Валентин Нервин,
Кристина Зейтунян-Белоус,
Татьяна Зоммер,
Ростислав Поляков, Татьяна Гржибовская

46

Александр Черкашин, Айя Рум

47

Владимир Монахов, Ольга Филиппова

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Фото Елены Кацюбы. 2007 г., Нью-Йорк

Море – идеальная модель поэзии. Шекспир создал прекрасную Иллирию, француз Тальма – Остров Любви, Александр Грин – Гринландию. Природу и социум не переделаешь, зато море слушается поэтов. Вместо Ялты, Одессы, Севастополя на карте языка возникли Лисс, Зурбаган, Гель-Гью.

Первое слово, которое он сложил из букв разрезанной азбуки, – «море». Море вначале чуть не убило будущего писателя. В 16 лет он, неопытный подросток, оказался один в Одессе. Если он не фантазирует, то на берег его выбросил ровно 99-й вал. Одежду унесло волной. Голый, как Одиссей, начал свою новую жизнь. Но не нашлось поблизости принцессы Навсикаи, которая бы о нем позаботилась – отмыла бы от тины, одела и привела во дворец.

Гринеvский был и юнгой в трюме, и революционером в тюрьме, и золотодобытчиком на Урале, и лесорубом в тайге, пока к тридцати годам жизнь не прибила его к литературному берегу. В 40 лет осуществил свою мечту в «Алых парусах» – с легкостью стал и Грэм, успешно прошедшим путь от юнги до капитана, и веселым матросом Летикой, говорящим в рифму, лучшим другом капитана. В Старом Крыму, где пятидесятидвухлетний Грин умер под бушпритом корабля

с женской фигуркой, собственноручно прибитом писателем к стене над кроватью, я отчетливо ощутил, что это деревянная Прекрасная Дама и была его единственной возлюбленной. Она и Ассоль, и Бегущая по волнам – мечта, победившая грубятину жизни.

Грин не был мечтателем. Мечтатель остается рабом мечты. Грин все осуществил в море. Море Грина перекрыло Черное море.

Я с легкостью могу представить австрийского психоаналитика, потирающего руки над «Алыми парусами»: ясно, что Грэй дефлорирует море – Ассоль с помощью корабля, а паруса – символ той простыни, которую вывешивают на всеобщее обозрение после брачной ночи в доказательство девственности невесты. Если бы Юнг читал Александра Грина, он пополнил бы коллекцию своих архетипов новыми образами: алые паруса, золотая цепь, блистающий мир, дорога в никуда. Мало кому из писателей удалось так раздвинуть горизонты нашего душевного мира.

Ассоль отнюдь не мечтательница. Она просто лучше понимает реальность, чем все обитатели ее деревушки вместе взятые. Она что хотела, то и получила. Да и капитан Грэй, конечно же, занимается контрабандой. Просто он удачливей Чичикова или еще не успел состариться. Тот ведь тоже уподоблял свою жизнь

кораблю, гонимому волнами и ураганами. Контрабанда Грина – это активно потребляемый кокаин и морфий. Этим он ничем не отличается от Брюсова, Блока и своего кумира Эдгара По. Но в отличие от безумного Эдгара или рационального Валерия Грин не был наркоманом в медицинском смысле этого слова. Потреблять потреблял, но в полную зависимость от вещества не впадал. Море одновременно защитило его и от любви, и от опиума. И все же следы наркотических видений отчетливы и в «Крысолове», и во всех значимых вещах Грина. Он, конечно, один из столпов психоделической литературы.

Алые паруса переросли метафору, стали новым мифом, творящим другую реальность. Участь Бегущей по волнам такая же. Она останется навсегда. В отличие от Крыма, Одессы, Ялты и Севастополя. Зурбаган, Лисс, Гель-Гью никогда не смогут от нас отделиться. Они построены прочно. Мы живем в них, а они в нас. Реализованная мечта – главная контрабанда капитана Грина – успешно пересекает и будет пересекать любые границы.

Он считал себя символистом. Но что такое символизм? До сих пор толком никто не знает. Если это создание новой системы символов, то у Грина получилось лучше, чем у всех остальных. Если это о параллельном мире или, как говорил Даниил Андреев, о метареальности, то и тут Грин шагает впереди. Он утвердил победу моря над социумом и бытом.

Запрещенный Грин вернулся к нам в 60-е годы. Дебют Анастасии Вертинской в роли Ассоль довел известность Грина до самой высокой степени. Алые паруса стали эмблемой сбывшейся мечты, возможного счастья. Что-то вроде хрустальных башмачков для Золушки. Теперь, даже не читая Грина, каждая девушка ждала свой корабль с алыми парусами. Хитрость же заключалась в том, что надо постоянно вглядываться в горизонт. Если не видеть дальше своего носа, алые паруса не появятся. А если и появятся, то их никто не заметит. Та же мысль в «Бегущей по волнам». Только тут надо не вглядываться, а вслушиваться, чтобы в какой-то миг услышать голос Несбывшегося и подчиниться ему.

Стоит воскликнуть: «О Дезирада!» – и пульс учащается, и морем пахнет, и дыхание захватывает. Бегущая по волнам убежала от Гриневского к Грину. «Добрый вечер, друзья! Не скучно ли на темной дороге?» С Грином не скучно. Может, у него действительно какая-то мистическая связь с морем? Потому что везде простирается путь в никуда. Потому что только для избранных маячат на горизонте алые паруса. А море? Море – смеялось! – как заметил Горький...

Золотой Хризостом

*Χρυσόστομος (греч.) – букв.
«золотостый, златоуст».*

Метро

О не мертвей душа в метро
в туннеле морте-политена
душа от тела отлетела
и не осталось даже тела
но только трубная труба
трубящая вагонным громом

Усыпальница

Богородица – дорога в рай
радуга мурлычущего луча
ты ввела меня в ажурную дверь
по черным клавишам ночи
по белым клавишам дня
хрустальной поступью
не ведающей веса
сошла как снежинка
с-не-бес
не касаясь сугроба
такой боли
какой боли
нет

то к чему ты взошла
твое Схождение
Вознесение
Взывание к Сыну Выси

О нет нельзя возноситься выше высоты
но Ты
за пределами высоты
там где высота упирается в Твердь
другой высоты
еще нет любви
но уже прощения
где за первой ступенью прощения
разверзается рай примирения
где ладан дал даль
но не примирился
а прощен

Лестница

Радуйся – Лестница от земли к небу
небо выше небес
печаль нежнее печали
это называется
амаль-гамма
это вспоминается
но не называется
это как воздух
и видим и невидим
Филос – дружеское расположение
Агапия – мировое влечение
Эрос – сладостное томление
все это конечно же есть
но скорее мерцает
нежели отражает

Это похоже на морское дно в лучах света
близко и отдаленно одновременно
Если вспомнил
это уже не то
Вот когда и помнишь
и не можешь вспомнить
одновременно
знаешь что есть
но не знаешь что
как холодок валидола под языком
вот нет его
вот тут-то он и остался
Взор упирается в стену
затем в стекло
но если нет ни стены ни стекла
а взор улетел за взором
или еще
улетает мяч
но пока он не вернулся
он уже ракеткою пойман
То ли улетает мяч
то ли прилетает
это смерть – любовь
это разлука – встреча
Я бы назвал это прикосновением
если бы прикосновение улетело
Я бы назвал это поцелуем
если бы поцелуй отделялся от губ

Море слез

Если огненный крест на небе
видит его каждый у кого слезы
ибо слезы – линзы

для Того Света
ибо Тот Свет
состоит из слез
ибо слезы состоят из этого света
Молитва моря –
вздыбленные валы из слез
пронизанные лучом
после глаз только сердце
но сердце слепо
как новорожденный котенок
кот–ток
ток–кот
от тела ток окат откат
кто-то
того
Мерцание
двух зеркал
друг в друге

Эскалатор

Ангелический свет
он тепл
воздушно-телесен
Любая лодка
ускользающая
от берега в реку
может быть прообразом
этой встречи
Выдох – это далекий вдох
вдох – это близкий выдох
дальше выдоха
ближе вдоха
эскалатор из арматуры света
там где лестница
из-под ног уходит
ты ступаешь на эту Твердь
из интимных слов
Заинька
Кисанька
Боженька
аньки
иньки

Трапеза Хризостома

Что важнее
знание или башня?
если знание – башня
а башня – знание
Дом где я живу насквозь зеркален
В зеркалах есть я

Рисунок **Константина Кедрова** (бумага, фломастер).

но есть надежда
что запуталась душа в сетях зеркальных
и улов небесный
тяжелеет
светом
Рыбкой золотой
Хризостом
в нем
Христос в нем нем
Роза и риза
Хор и Озирис
и сирота – мир
Трапеза твоя светла
Хризостом

Молитва Хризостома

Святой Амвросий
амброзией тления благоуханен
твой храм
состоящий из кипарисов
сосновый храм
источает смолы
смола молитвы
морская литургия
акафист прилива
молебн отлива
соленые четки волн
«Господи владыка живота моего» –
ПЕРВЫЙ ВАЛ
«Помилуй мя грешного» –
ВАЛ ВТОРОЙ
«Богородица Дева радуйся» –
ТРЕТИЙ ВАЛ
«Благодатная Мария Господь с тобой»

Брег небесный гудит от молитвенных волн
Хризостом истомленный исторг глагол
«Оглашении изыдите»
но не изыдут оглашенные
и тогда сказал

«Всякий приди и ешь»
Небо возликовало волнами света

Первая волна
– Царю Небесный –

Вторая волна
– Утешитель души Истинной –

Третья волна
– Иже везде сый

Четвертая волна
– Прииди и вселися в ны –

Пятая волна
– И жизнеподателю –

Шестая волна
– И вся исполняя сокровища благих –

Седьмая волна
– И очисти ны от всякие скверны –

Восьмая волна
– И спаси Блаже души наши –

Девятый вал света
– Аминь

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле, Германия

человек человеку море

МОРЕ КАК МОРЕ

женщина все-таки более явное море

*
море – это женщина
или
женщина – это море
то есть – не переплыть

*
противостояние морей
(тоже бывает)

*
наверно у каждого свое море
ты море мне
я море тебе

*
озеро Байкал – славное море

*
море внутри нас
поэтому в море
происходит встреча
двух морей

*
море-муре-мере
мире-маре-мыре
мэре-мюре-мяре

*
Байкал к тому же еще
и священный!

*
К морю...

*
Это было у моря
(Северянин)

*
море волнуется – раз...

Елена Атланова
Ташкент, Узбекистан

Аквапарк 342

Море
пахнет
хлоркой

Но имитация
пляжного отпуска
всё равно вызывает
стрекозющий восторг:

солнце-то
ещё настоящее...

Лиза Готфрик

Киев, Украина

Летний театр

мой летний театр на берегу Леты,
там зрители – весёлые скелеты
пуанты танцовщиц из мировой паутины,
в труппе – сильфиды да ундины
в будуарах черти чертят полосы белым на зеркалах,
на веранде во фраках сидят Яхве и Аллах,
пьют ледяной виски – лекарство от тоски
вечные блудницы вяжут чьи-то жизни на спицах,
говорят о былом, всё ах да ах:
– я же его так любила, ношу теперь в кулоне его прах.
жаль, что он был человек...
время лениво идёт как попало, то секунда, то век.
голые пьяные ангелы парят в облаках,
спорят о Гегеле и смеются.
гости ждут следующего представления и
дуют на чай в цветных блюдах.

Август

август возьмет налог на гедонизм
нанизывая дни на нити неги
время пришло решаться на побеги:
в янтарное вино, в скрипичный визг

в часах запутался анахронизм,
а в небе облака, как белые ковчег,
на спелые сады готовятся набег
познавших удовольствий механизм.

во взрывах бархатцев и астр
и в звоне комариных каст
от сна падение разбудит.

ветви не смогут утаить плоды,
легки туманы утром у воды
и смерть саму себя забудет.

Шторм

от берега борт корабля
отталкивается беспечно.
смотрит шторму в глаза,
беде тело несёт навстречу.

всё сильнее и резче ветра.
свернуть паруса догола!
видны связанные реи
молний линии небо делят.

мачту клонят удары волны,
кариатиды хлещут плечи.
и волнующее пространство воды
в танце кружатся смерчи.

шторм шумит своё о м, ом,
волны стонут наамах шивая
и о том что не будет потом
из песен циклонов узнаём

нет больше слова у Самого
где стихами стихия стихает
штиль шепчет строки у края
и вода как стекло, видно дно.

будто будда будит будду,
ранним утром ранним утром.

Молитва меланхолии

свитки зимы свернёт земля.
упадок духа, судеб палимпсесты,
пергамент снов, холодные сиесты,
печаль примет и серые поля.

опять пора всё начинать с нуля.
на паузу поставит мрамор жесты.
зелень и цвет готовят манифесты,
на миллион фрагментов мир деля.

на берег тишины волна молвы.
слабым поют хвалу волхвы.
в зерне росток очнётся бурно,

поднимет панцирь мостовой.
а нам отдаст задумчивый герой
ключ от сонета из кольца Сатурна.

Любовь Саломон

* * *

О чем можно говорить с морем?
Что можешь сказать океану?
Молчи и слушай!

О чем можно говорить с Господом?
Обо всем.
Что можешь сказать Господу?
Все.
Говори!

Viento de los locos

Вiento de los locos
Дует с океана.
Ветер сумасшедших
Душу раздирает
На куски, на части.
Гонит бесов с моря.
Призраки утопших
Стонут, с ветром споря.

Нет упокоенья
Сгинувшим до срока,
Носятся над водами.
Волны их с востока,
Ветер подгоняют
К мирным берегам.
Viento de los locos
Рвется в сердце к нам.

* * *

Это небо прямо в очи
Льет прозрачность синевы,
Обволакивает властно,
Отрывает от земли.

Растворяясь безоглядно
В легком, чудном полусне,
Уношусь за сине море
На крылатом скакуне.

То ли вымысел, то ль правда,
То ль бесплотность миражей?
То ли жизни быстротечной
Смертоносность виражей?..

Кристина Зейтунян-Белоус (Париж, Франция)
«Царица моря» (бумага, тушь, акварель).

Борис Колымагин

AAAAMOPE

Утопает буква на клавиатуре
не слушает
сама по себе
выводит

ВЫВОДИТ

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA~
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA~~~~~
AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA~~~~~

живет своей жизнью.

Александр Петрушкин

Кыштым

* * *

И вот ещё, ещё немного – и начинается потоп,
сминая выдох у порога, чтоб спрятать в травяной носок,
в полынной кости распрямляя [ещё не пойманную] речь
[нагретой до кипенья] почвы, чтобы удобней было лечь.
Так опадают воды ... воды... как выдохи и пузырьки,
и люди дышат словно овцы, дойдя до ледяной реки,

и с ними дышит, улыбаясь, как старость женщины, звезда,
ломаясь в темном отражение на: да – и да – конечно, да –
ещё, ещё её немного поддержишь, выпустив с руки,
а люди дышат, словно овцы с той глубины одной реки,
сминая выдох у порога, в полынной кости копят тьму,
чтоб говорить немного боле немногим меньше одному.

LA MARIPOSA DE ARENA

То, что чудеснее речи любой,
помнит, как бабочка [о] камень билась
[вместе – с хранимой под сором – водой] –
так и скажи, что она сохранилась

в тёплой смоле, как селенье в глуши,
будто летая, латает подбрюшье
божьему небу – в котором дрожит
белым хитином хранимо снаружи.

Но ничего не случается, что
может озвученным стать – переносным
смыслом. За контур – усни, инженер,
слесарь-сантехник бабочкам водным.

Чувствуешь [?] – что эта бабочка внутрь
смотрит, себя разбирая до страха –
словно из камня сбежала уснуть
в тминых пустотах своих – там, где влага

небо построила – не по себе
богу, что бабочке может присниться,
то, что чудеснее речи, и снег
в камне за ней продолжает кружиться.

PANE LIQUIDO

Передавая хлеб по кругу,
как чайки гальку клювом в клюв –
мы говорили с жидким богом
своих друзей, чужих подруг –

определёно и неточно.
Из ямы в детстве и земле –
Казался хлеб и мне порочным –
сгорая спиртом на столе.

Передавал нас хлеб овальный,
прозрачный, как зрачок слепца,
как гальку, как глоток печали
и срез на пальце у жнеца,

Он говорил за нас не дольше,
чем воздух бился у виска –
В мякину обращая слово,
скрипела чайками доска,

скрипела этим жидким хлебом
связав на мёртвые узлы,
как жидкий бог, чужое тело
с таким моим.

Кристина Зейтуныан-Белоус (Париж, Франция)
«Сирена» (бумага, тушь, акварель).

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Мастер моря

Море Спокойствия лишь на Луне
 Море Ревности ищи на Венере
 Море Ярости на Марсе, наверное
 На Земле – море Любви никем не измеренное

Мастер моря
 горизонтом брови нахмурил
 буруны бросил на город
 чайку нарёк Маргаритой,
 короновал горем
 Чайка рвется вверх криком «верю!»
 зрачок через бурю искрит
 Скрежет и скрип
 старой кареты Ночи
 водоворот утра уносит прочь

Таёт облаком Маргариты профиль
 Мастер моря
 приливом рассвета
 город накрыл по самые кровли

Батискаф золотой всплывает со дна

Августейшее

Время августа
 загустЕЛО
 плоДАМи

еще листокрыЛАТЫ
 ветви древоскелЕТА
 бронзой сентяБРЯЦАЮТ вдали

Имена

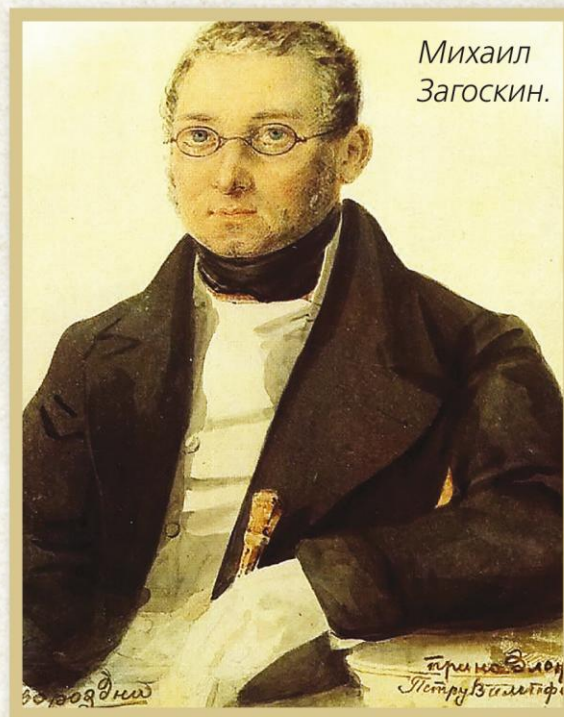
Сколько имен:
 тень, темь, темень,
 темнота, темнотища,
 сумерки, сумрак, мрак...

И только одно имя: свет.

Поединок

Однажды в начале XIX века в Москве, в Марьиной роще молодой человек встретил щегольски одетого смуглого иностранца с орлиным носом и блестящими глазами, взгляд которых был неприятно тяжелым. Приветливый иностранец – барон Броккен – сказал, что вообще он путешественник, что три дня назад приехал в Москву и никого здесь не знает.

Так 175 лет назад Сатана впервые явился в Москву. И привел его действительный статский советник, директор императорских театров (будущий директор Московской оружейной палаты), успешный драматург, участник войны 1812 г., автор популярных исторических патриотических романов Михаил Николаевич Загоскин.

Роман под названием «Искуситель» вышел в 1838 г. Он не был ни историческим, ни патриотическим, распроданся во мгновение ока, но, видимо, так напугал своего создателя, что тот назвал его самым неудачным своим произведением, хотя в тексте содержится много автобиографических подробностей. В финале романа есть такие слова: «Ищущий зла обретает зло, а призывающий духа тьмы становится рабом его». Дело в том, что герой романа, любознательный

Через века

45 лет назад в журнале «Москва» № 11, 1968 г. была опубликована первая часть романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Михаил Булгаков.

молодой человек, совершил некое магическое действие, но нарушил один запрет, и после этого начались в Москве, как и следовало ожидать, большие неприятности.

А спустя 165 лет, в 1968 г., в 11-м, ноябрьском номере журнала «Москва» вышла первая часть романа Булгакова «Мастер и Маргарита», который вскоре стал культовым. Так с Патриарших прудов начал свое шествие по миру иностранный профессор Воланд.

Но была еще одна книга, которая вполне могла быть известна Булгакову. Это роман английской писательницы Марии Корелли «Скорбь Сатаны». Он был напечатан в 1912-13 гг. в приложении к популярному «Синему журналу».

Невозможно с определенностью утверждать, читал ли Михаил Булгаков роман «Скорбь Сатаны», однако по времени это вполне могло быть. В сюжете «Мастера и Маргариты» есть определенные пересечения с сюжетом романа Корелли и даже, на мой взгляд, следы некой полемики.

Герой английского романа Джеффри Темпест также писатель. И вся сюжетная линия разворачивается тоже из-за романа. Герой Корелли, живя в крайней бедности, пишет роман, который должен принести ему известность и деньги. Он не вызывает Дьявола заклинаниями, но обдумывает, какое зло можно сотворить, чтобы получить добро. То есть употребляет ту самую формулу из «Фауста», которая послужила эпиграфом к роману Булгакова: «Я часть той силы, что, желая творить зло, вечно творит благо».

Темпест считает, что, обеспечив себя средствами к существованию, он сможет создать нечто гениальное.

Булгаковский Мастер ни о чем подобном не думает, потому что в отличие от героя Корелли он пишет

не для славы и денег, а потому что в этом смысл его жизни. Наградить его можно только одним – дать возможность писать свободно, не задумываясь об окружающем мире.

Образ подобного писателя, вернее, писательницы есть и в романе Корелли. Фактически она создала свой портрет под именем Мевис Клер. Конечно, это идеализированный образ. Сама Мария Корелли – истинное зеркало викторианской эпохи. Вся ее жизнь напоказ, ведь ей, вернее, образу, который она создала, нечего скрывать. Она зарабатывает деньги литературным трудом, и неплохие деньги. Если булгаковский герой угадал историю Пилата и Христа, то Мевис Клер угадала вкусы публики. Ее романы любят читатели и ругают критики. Она же любит читателей и смеется над критиками. Она дает их имена обитателям своей голубятни и устраивает голубиное шоу для

Мария Корелли.

Витраж в Кафедральном соборе Кенигсберга-Калининграда. Фото **Елены Кацубы**.

гостей – бросает птицам корм, и те слетаются, оттапливая друг друга и затевая драки из-за зерен. Ведь ее книги – корм, дающий критикам возможность существовать, ругая в печати ее произведения.

Героиня Корелли утверждает, что может писать, не оглядываясь на общество, и быть любимой читателями.

Булгаков фактически вступает в полемику, доказывая, что если это и возможно в цивилизованной стране, то в тоталитарной – никогда. Его Мастер поступает именно так: бросает все и садится за роман. Как автор он вознагражден. Он «угадал», как было на самом деле, то есть создал реальный мир, который выплеснулся со страниц книги и продолжил жизнь в мире, вписавшись в него, включив в сюжет собственного творца.

В обеих книгах Сатана действует по правилам социума той страны, где происходит действие. В Москве, где царят сталинские опричники, все происходит по законам криминального мира. Здесь из-

биения, похищения, убийства, обыски, плата черным налом, фальшивые рубли и настоящие доллары, подслушивание, подглядывание, доносы и аресты. Вся история Мастера только случай в поединке двух «мафиози» – Сталина и Сатаны. Воланд существует в Москве скрытно, как Сталин в бункере. А Сатана, итальянский князь Лючио Риманец, живет в Лондоне обычной светской жизнью. Дело в том, что в романе Корелли Сатана, восставший против Бога и низвергнутый с небес, скорбит о своем падении и стремится воссоединиться с Творцом. Он вечно обречен искушать людей, но при этом не хочет, чтобы люди поддавались искушению. Если человек устоял, то Сатана приближается к Богу на одну ступеньку. Ему дается отдых на один час. А если человек поддается, то Сатана опускается на ступеньку ниже. Но поскольку поддавшихся больше, чем устоявших, то скорби Сатаны не видно конца.

Заметим, что и Воланд отнюдь не радуется человеческому падению. Он презирает всех, кто поддался

искушению. А отказ Маргариты попросить для себя награду встречает с явным одобрением. На самом деле, при всем своем могуществе Воланд может только уничтожать, а создать не может ничего. Ведь сталинская Россия жила по законам мира Сатаны, где за все блага полагалось отдавать душу. Дьявольское освобождение – это смерть. Вся эта романтическая история не так уж романтична, ведь любовь в подвальчике происходит под неусыпным надзором.

Удивительным образом история Мастера и Маргариты позже воплотилась в другой, реальной паре – Пастернак и Ивинская. Маргарита торопила Мастера, сулила славу. Так же поступала и Ивинская. Но в реальности наказанной оказалась Маргарита. Слава действительно пришла, но ценой жертвы Ольги Ивинской.

В английском романе все происходит по-европейски цивилизованно. Сатана действует по правилам, принятым в обществе, обещая писателю вполне реальную помощь без всякой черной магии. Кому-то из критиков платятся деньги, кто-то чем-то обязан блистательному князю. И положительные, даже восторженные рецензии обеспечены. Начинается раскрутка романа по всем правилам. Обеспечен также вход в общество, о котором мечтал писатель. Получив неожиданное наследство, он становится миллионером и женится на самой красивой девушке Лондона. Но, увы, влюблена она в Сатану.

Маргарита в разговоре с Азazelло о таинственном иностранце предполагает в соответствии с законами социума: «Понимаю, я должна ему отдаться», – и с облегчением узнает, что это не только не нужно, но и невозможно. Хотя многие женщины мира мечтают об этом. Среди них – Сибилла, жена Джеффри Темпеста. Она оказывается отвергнутой Сатаной грубо и пренебрежительно. Но ее недоумение больше обиды: «Это такое обыкновенное явление в наши дни для замужней женщины – иметь любовника... я видела, как неоднократно этот обычай защищался в длинных научных статьях, которые открыто печатаются в первоклассных журналах... Какое зло сделано, если дело не дошло до публичного скандала?»

Связь Мастера и Маргариты какое-то время благополучно продолжается под надзором в виде соответствующих органов, но все-таки доходит до скандала из-за доноса завистливого соседа. И Воланд в этой ситуации – защитник и покровитель влюбленных. Но дать им счастье в земной жизни не в его власти.

В финале «Мастера и Маргариты» Воланд со свитой уносится из Москвы в пламени пожаров. Джеффри Темпест терпит крушение на сатанинской яхте

под названием «Пламя». Во время неистовой бури он узнает, наконец, что имел дело с Сатаной. Тут возникает и лунная дорожка: «...раздался громовой удар; все окна по обеим сторонам салона распахнулись, показывая странное сияние, как бы из стальных пик, направленных вверх, к луне...» А вокруг толстые стены из льда, которые сдавливают корабль.

Темпест спасся от адского огня, призвав имя Бога, в которого прежде не верил: «– Только Бог! – с жаром крикнул я. – Скорей уничтожение от Его руки, чем жизнь без него. Только Бог! Я выбрал!»

В последний момент Сатана предстает перед ним в виде Ангела, чьи глаза горят «бессмертной скорбью».

В отличие от Мастера уцелевший Темпест возвращается к обычной жизни. Он разорен собственными адвокатами, которым доверил управление своими делами. Но тут происходит неожиданное – его роман, когда-то расхваленный продажной критикой и не имевший успеха у публики, вдруг, после разгромной рецензии, стал бестселлером, принес неплохие деньги и дал возможность писателю взяться за новую книгу. Он хочет написать о тех загадочных восточных странах, которые показывал ему в видениях князь во время плавания.

В конце романа мы видим, как Сатана проходит, держа под руку известного члена парламента – свою очередную жертву: «Я видел, как они поднялись по ступеням и наконец скрылись в Доме Английского государственного управления – дьявол и человек – вместе».

Конечно, современному читателю в книге Корелли мелодраматичность, изобилие сантиментов могут показаться преувеличенными и вызовут улыбку. А излишнее морализирование навевает скуку. Тем не менее, это качественная беллетристика, которую охотно покупали и с удовольствием читали люди самых разных слоев. А критическая ругань, подчас грубая и несправедливая, только прибавляла Марии популярности. Один критик, например, назвал ее «женщиной со скудным талантом, которая вообразила, что она гений, и публика признала ее гением за банальную сентиментальность в оправе волшебства».

На самом же деле она была, говоря по-современному, «раскрученным» автором с хорошо продуманным имиджем. Не красавица, но умная, обаятельная и чистая девушка, которая верит в Бога (а не в церковь), не продается за деньги и умеет работать – традиционный образ героини английского романа. Именно такой изобразила себя в романе «Скорбь Сатаны» независимая писательница Мария Корелли.

Фото Николая Сазонкина.

Литературоведение

Ольга Адрова
ДООС – рок-стреккоза

Комплекс Мастера

Не зарастет народная тропа к мифу Булгакова. Булгаковское лукоморье прочно воцарилось в душах читателей. В чем причина такой популярности?

Не случайно одной из первых высоко оценила «Мастера и Маргариту» Анна Ахматова, великая мифотворица и мастер необыкновенного мифа о самой себе. К необходимости мифотворчества интуитивно подошли символисты, но не удержались на этой ступени. Дело в том, что творение мифов в искусстве невозможно без веры в себя как в Мастера и без мифотворчества о своей жизни. Оно идет рука об руку с искусством и безжалостно губит художника при малейших сомнениях и неверии в себя. Так Блок писал о своей жене, Любе: «Я встретил ее здесь, и ее земной образ, совершенно ничем не дисгармонирующий с неземным, вызвал во мне бурю торжества». Однако последующие приступы отчаяния, рядом

с «любовью», которая «ни от чего не спасает», очень страшны, особенно по контрасту, — об интенсивности этого отчаяния как бы не принято говорить. Однако оно существовало у больших талантов, и надо думать, что этот Комплекс Мастера вообще характерен для художника, который идет по новому духовному пути, как балансирующий канатоходец, — он должен творить новые миры и новый миф.

В столкновении мастера с жизнью на кон поставлен не человек, а мастер. В сущности говоря, именно поэтому художник никогда не будет ни обычным человеком (чего могут желать его близкие), ни пророком (чем может и желает также считать его окружение), но между теми и другими должен вертеться, как уж на сковородке. Поэтому Мастер — фигура то гордая, то жалкая, в зависимости от того, когда на него глядеть — в момент сотворения мифа, или в момент со-

Как известно, булгаковский Мастер встретил Маргариту именно в Большом Гнездниковском переулке, где 100 лет назад вырос первый московский небоскреб – тучерез, построенный архитектором Нирнзее. В Музее Москвы открыта выставка, посвященная этому дому. Экспозиция имитирует знаменитую крышу, на которой располагался ресторан, где частенько сиживал Михаил Афанасьевич, глядя на пылающий закат. Наверное, именно здесь и родилась сцена в финале романа, когда Воланд уносится из города в пламени пожара. На снимке кубофутуристическая инсталляция ДООСов на «крыше», посвященная Бурлюку и Маяковскому, которые жили в этом доме.

мнения. Мастер у Булгакова получает наконец inferнальный покой, но этот хэппи-энд может оценить только сам Мастер, да его спутница, да новообращенный ими поэт Иванушка Бездомный. Булгаков дает читателю понять, что Мастер в романе – роковая фигура. Его страдание кажется то человеческим, то бесчеловечным, когда он прогоняет от себя Маргариту, но оно, если можно так сказать, н е ч е л о в е ч н о. Это очень хорошо выразил Блок в своем «Балаганчике», который был не понят даже друзьями и принят за сатиру или пародию, хотя сам поэт все время утверждал, что он никакой не сатирик, и стремится показать только истину.

Художник не человек для Блока, он Арлекин или Пьеро, во всяком случае, его природа – иная, и «клюквенный сок», которым истекает Пьеро, для него реален, – а какой еще кровью истекают все Пьеро мира? «Жизнь писателя есть символ», – как говорил Томас Манн. В нем всегда есть нечто от химер собора Нотр-Дам. В нем всегда обязательно есть нечто трагикомическое «с той стороны зеркала»: Мастер должен творить миф, и его страдания бывают жалки, как жалок Арлекин, истекающий клюквенным соком (или же отрекающийся от своего романа и мятущийся по московским сугробам Мастер у Булгакова). Он жалок, но он же и велик, как никто, в полном блеске созданного им мифа, награжденный Тем, или теми, кого он «угадал». Это не блеск славы в людском понимании этого слова, – на нее надеется мастер в романе, но получает лишь зависть, позор и поношения.

Черновики ставшего «чертовски знаменитым» произведения сохранились все, и в ранних редакциях герой был назван поэтом.

«Над неизвестными равнинами скакали наши всадники...

– Но скажите мне, – спрашивал поэт, – кто же я? Я Вас узнал, но ведь несовместимо, чтобы я, живой из плоти человек, удалился вместе с вами за грани того, что носит название реального мира?

– О, гость дорогой! – своим глубоким голосом ответил его спутник, – о, как вас приучили считаться со словами! Не все ли равно, живой ли, мертвый ли!

– Нет, все же, я не понимаю, – говорил поэт, потом вздрогнул, выпустил гриву лошади, провел по телу руками и расхохотался...».

Однако последователей у Булгакова, скажем мы, «несомненно»... – это одно из его любимых выражений, – несомненно, никогда не будет много. Магическая притягательность творчества, в частности, в том и состоит, что дает выражение личному мифу. И это та сторона бессмертия, которую мы знаем здесь. Однако есть еще и тайное, непознаваемое «там», далекое от любой магии, что на человеческом языке зовется «истиной». И на вопрос Понтия Пилата: «Что есть истина?» – Христос у Булгакова дает вполне человеческий ответ, превращаясь в мастера и в Булгакова:

« – Твоя жизнь скудна, игемон. Ведь нельзя же,

наконец, поместить всю свою привязанность в собаку...»

Отсюда возникает удивительное прозрение Булгакова о простой человеческой любви: слепой любви, любви-жалости, любви невозможной в жизни, любви женской, так же истекающей клюквенным соком, как и бедный Мастер. Любовь к нему его несчастной удивительной возлюбленной, которая, живя в Москве, умудрилась ни разу не прикоснуться к примусу, так же трагична, как и карьера автора, так и не ставшего членом пресловутого Массолита. Булгаков четко следует симметрии: у главных героев момент величия и изящества наступает в момент мистерий: смерти-воскресения у Мастера, бала у Воланда — у Маргариты.

Однако никакой другой писатель с такой несомненной силой не мог доказать, что женщина должна быть опорой для мужчины, когда он слеп или безумен... Никому из прекраснотушних

поэтов-мистиков не удавалось возвести женщину на пьедестал, чтобы тут же не свергнуть ее с этого пьедестала. В страсти они иступленно искали знание, но не находили. Получали проблески, но теряли их. Ни количество, ни качество этих стихов о страсти, которыми измерялась величина Эроса, не дала им Знания, а алхимия Эроса оказалась бесполезной. Ключ не находился. Блок писал, как «хотел, в объятьях умирая, увидеть блаженные края», но «мечта обманула».

Ахматова назовет страсть «постылою» и, грубо говоря, заключит, что из нее ничего не выжмешь. Страсть увеличивает жизненные силы, которые Брюсов чуть ли не высчитал логарифмической линейкой, но не проникает за завесу тайны.

Впрочем, мужской ум, неважно как действующий в сфере сущностей и понятий: их разделения, синтеза, противопоставления или, в крайнем случае, отчаянной перемены местами, — неизбежно терпит крах. Женская же любовь не мо-

Фотокомпозиция **Елены Кацубы.**

«Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. ... Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую, затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом». М.Булгаков.

жет помочь, если мужчина не может ее понять и толкует ее по-своему. Любовь – сфера тайн и откровений, для которой нужны двое. Иначе все пути, ведущие к ней, бессильны.

Булгаков совершил великое – ввел свою, со всех точек зрения, несовершенную, абсолютно трагикомичную любовь в область личного мира и в вedomое ему великое пространство: оно и реально и ирреально одновременно. Этим он открыл истину, правдиво показал это пространство, которое сделало возможным другие открытия прозаиков и поэтов, следующих за ним. Как у Валерии Нарбиковой:

« – Здравствуйте, меня зовут Ирра... – Но это иррационально».

Морское

Море есть море, душа есть душа,
Если рассыплемся,
Белой Медведицей станем,
Офелией-лилией в морозящем тумане –
Распускается сердце и тихо плывет,
чуть дыша.

Рая

Выше рая ходит Рая,
Что присела отдохнуть,
Выбирая, выбирая,
Как продолжить этот путь.

Выше рая, выше рая
Зажигает фонари,
Выбирая, выбирая.
Тех, кто создан для любви.

Выше рая, слышишь, Рая,
Ты меня не позабуди,
Я другая, я другая,
Уж сочтемся как-нибудь.

По белой коже березы
Сок страсти стекает на землю,
Листья дышат,
Трепещет ствол –
Ветер пришел...

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин, Ирландия

ОКОЛОМОРЬЕ

Во чреве кита

Счастливейшими в жизни Ионы были годы, проведенные во чреве кита. Никуда не надо было стремиться, потому что стремиться было некуда. Не надо было даже заботиться о пропитании, поскольку желудок кита обеспечивал организм Ионы необходимой массой белков, жиров и углеводов. Душиновато было, конечно, и дурно пахло, но в общем и целом Иона находил ситуацию вполне терпимой. В те времена он любил поговорить о симбиозе и о долгом и взаимовыгодном сосуществовании человека и внешнего мира. Впрочем, он сознавал, что во чреве кита нет ни времени, ни внешнего мира.

Потом Иона захотел свободы. Потом он все же решил выбраться на свет божий. Потом он еще будет об этом сожалеть и жаловаться на жизнь другим проглоченным и извергнутым.

Потом он будет искать других китов. Однако те не станут спешить с допуском его во чрево и будут только отмахиваться от него многотонными плавниками и поливать его фонтанами отработанной внутри себя воды.

Война крабов и раков

О мелководной войне крабов и раков узналось, как всегда, телевизионно. Первоисточником, однако, была бутылка с жидкой просьбой о международном вмешательстве. Что можно было сделать, кроме прицельного метания глубинных бомб с гуманитарными целями? Многообразие результатов очень скоро появилось в продаже, консервированное, под присоленным соусом свежего вчерашнего дня.

Поиски и находки

Началась эпоха великих подводных открытий. Все корабли теперь шли в голубую глубь. Исползав дно на «Титанике», ученые изыскивали медь и серебро. В поисках угадывавшегося в солнечных бликах золота в глубины погрузились все. Мне встретилась там чудесная эскимосская девушка в шубке и сапожках. У нее как раз иссяк запас кислорода, что оказалось отличным поводом для знакомства.

ПЕСНЯ МОРЯКОВ

(французская народная баллада)

О, как мне жаль матросов,
их жребий так жесток!
Работают, как звери за горький свой кусок.
Ночью и днем работа, только лишь хлеб едят,
Пьют они только воду, на жестких досках спят.

В лицо хлестали солью нам волны всех морей.
Как клешни краба, руки от якорных цепей.
А боцман наш, зверюга,
загнать до смерти рад –
На каторжную куртку сменял бы я буршлат!

Вы, верные подружки, встречайте нас нежней,
Когда мы в эту гавань зайдем на пару дней.
Ждем мы любви и ласки,
страстных и нежных слов –
Красотки, пожалейте бедняжек-моряков!

Пропела с матросами по-русски
Кира Сапгир – оса ДООСа
Париж, Франция

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

Конец сезона

Последние дары календаря –
минуту солнца упустить досадно.
О, этот лунный климат сентября! –
одной щеке тепло, другой прохладно.

На пляже общество. Но от и до...
Вот убыл тот. Вот появилась эта.
Здесь не укореняется никто, --
заказаны обратные билеты.

Здесь глубже понимаешь: всё течёт.
Уже закрыто лето на учёт.
Мы сходимся, любезно тараторя,
временщики у вечных гор и моря.

Дни осени прощально хороши,
но пляжники встречаются всё реже,
и наконец у моря – и души,
лишь ветер подметает побережье.

Света Литвак

МОРЕ

(балтийское)

*

на меня нашумело море
накричало, надуло в уши
шла оглошшая в его оре
по пропитанной солью суше

на горе озиралась лишней
сожалела о сущем вздоре
внутри себя обращала мысли
и опять погружала в море

как избавиться ни старайся
от запретных приёмов пищи
сторонясь пароксизмов страсти
не уйти от захвата жизни

отряхну гребешки ракушек
мне прилипшие на запястье
грозный рокот всё дальше, глуше
не оглядывайся, мужайся

(Чёрное)

*

На полкрыла затормозив
Послеполётное порханье,
Ослабевающий порыв,
Переходящий в задыханье,

Едва побрасывает брызг,
Едва поскрипывает мачтой
Солоновато-мокрый бриз,
Так называемый пока что,

Покачивая гребни волн,
Бегущих в Турцию из Крыма,
Сбивает их глумливый тон
На тон предельно допустимый;

И присмирённые едва,
Тотчас меняют очертанья
На удлинённые слова
И поцелуйные прощанья.

Света Литвак
«Скала и море»

(бумага, смешанная техника).

Александр Вепрёв

Вятка-Ижевск-Сочи

Облако

Крутится облако над головой,
в синей воде небес...

Крутится, вертится эдак и так,
что может скоро упасть!

Оно упадет лицом прямо вниз
и разобьет лицо.

На мокром бульваре,
как пьяный бомж,
лицом будет вниз лежать!

А может, облако не упадет
лицом прямо вниз.
И, может быть, сохранит лицо,
спустившись по лесенке
в город-курорт –
прямо на мой карниз...

Квадратные quadroкуки

За окном живет квадратное небо. Квадратное море.

Квадратные крыши, квадратные деревья...

Летают квадратные чайки, махая квадратными крыльями.

По квадратные дорожкам прыгают странные
квадратные quadroкуки...

Хотя небо и море имеют форму полукругло-округлую.

Или вогнуто-округлую... (Округло-выгнутую)

И деревья полукруглые, овальные.

Или вогнуто-овальные... (Овально-выгнутые)

Но в квадрате окна

небо – квадратное, море – квадратное,

Дождливые дни – серо-квадратные в квадрате.

По квадратным дорожкам прыгают
квадратные quadroкуки...

Только ваза на квадратном столе – треугольная.

Лежит в ней спелая квадратно-округлая груша,
похожая на мою квадратно-круглую голову,
отражающуюся в треугольной вазе...

А по квадратным дорожкам прыгают
квадратные quadroкуки...

Ирина Силецкая

кандидат социологических наук
друг ДООСа

СНЫ РАКУШЕК

В жару бесценен крымский юг,
Бесценно солнца золото,
И море плещется вокруг,
Играет ветер воротом.
Крик чаек, их паденье вниз
И взлет с рыбешкой пойманной,
И легкий-легкий с моря бриз,
И пляж, волной раскроенный.

Прибоя шум, волны накат,
С шипеньем пена лопалась,
Лучи шли мирно на закат
Известными им тропами.
Все тише, медленней волна,
Ракушки отшлифованы,
Им море дарит имена
И с ними – родословную.

Им лет по двести – древний род,
Но их судьба печальная.
Собрав, увозит их народ
С собой за дали дальние.
И на чужбине век им жить
В аквариуме с рыбками.
В окне, как в море, будут плыть
Горшочки с маргаритками.

Ракушкам снятся берега,
Они в прибое моются,
И топчет чья-то их нога,
И больно они колются.
Им снится легкий с моря бриз
И пляж, волной раскроенный,
Паденье чаек камнем вниз
И взлет с рыбешкой пойманной.

Ярослав Вокал (Прага).
Фрагмент композиции «Солнце»
(пескоструйная техника на стекле).

«Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. —
Никому. Никогда!
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! — Чтоб не смело вертеться
в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!..»

Марина Цветаева, 1919

ПОздравляем!

Для международного фестиваля пять лет – возраст зрелости и расцвета. Детище певицы и поэтессы Ирины Силецкой носит название «Славянские традиции», а сами эти традиции интернациональны в лучшем смысле этого слова. Из Москвы, из Петербурга из Праги, из Парижа, из Полоцка, из Киева и из Минска, из Казахстана и из Германии, проще говоря, со всего света съезжаются в августе в Щелкино вблизи мыса Казантип поэты, прозаики, драматурги и любители поэзии самых разных школ и направлений. Им нравится участвовать в конкурсах, читать друг другу стихи, спорить о поэзии на мастер-классах, купаться в Азовском море и загорать на чистом песчаном побережье. ДООС уже дважды участвовал в этом празднестве, привез оттуда награды: медаль Бориса Гринченко (украинского Даля) и медаль гениального поэта и философа Григория Сковороды. Но самая большая награда – сам фестиваль. Мы поздравляем Ирину Силецкую и всех участников с первым юбилеем и желаем дальнейшего процветания.

Фото **Елены Кацюбы**.
Казантип, 2011.

Елена Краснощекова. «Пегас» (холст, масло).

Анна Лампасова

Иваново

Герда

«Мне очень нравится с тобою, Герда,
Сидеть, прижавшись, на земле вдвоём,
Когда сады твоим теплом согреты,
И лето пробирается тайком.

Не верил я, что есть на свете чудо,
И время проводил средь льдин и книг.
Я был заложником снегов подлунных,
Теперь дороже жизни этот миг.

Мне очень нравится с тобою, Герда,
Быть рядом, не стыдясь ненужных слов.
За Королевой прежде крался следом,
Хотел понять Её, но я не смог.

Я так стараюсь позабыть дыхание,
Один Её хрустальный, томный взгляд,
Но видит Бог, холодное молчанье
И нежность губ живут во мне, как яд.

Я верю, ты спасёшь, родная Герда,
Согреешь сердце, ставшее как лёд.
И звёзды осветят ночное небо,
И дождь по нам одним тоску прольёт».

Она сидела тихо, неподвижно,
Шептала с горечью во тьму: «Не мой»,
Но вмиг растаяв, будто бы услышав,
Кай смыл слезами стонущую боль.

Григорий Князев

Новгород Великий

Я дошел до крайнего предела
лестницы – воздушной и живой,
как ребенок – от игры до дела...
И природа в спину мне глядела,
и качался свет над головой.

И на каждой солнечной ступени
ожидало чудо из чудес:
то мелькали радужные тени,
то шепталось озеро сирени,
то молчал зубчатый зимний лес.

И хотелось мне и петь, и плакать,
и нестись в отчаянную высь,
и топтать предмартовскую слякоть.
Сердца изленившегося мякоть
отвечала мне: «Угомонись!»

Но никак не мог уgomониться –
и терял себя, и забывал...

Белый день – как белая страница,
ночь моя – глубокая криница,
настроений сумеречных вал.

Я, любви космической посланник,
в алгебру и музыку проник,
круг рисую, крест и многогранник...
Где мой дом?

Не я ли – вечный странник,
позабывший бабочек язык?

Увлеченный потаенной силой
темной речи посреди огня,
многоликий, гордый, легкокрылый,
то и знаю, что ловлю унылый,
тонкий, гулкий отголосок дня...

Анатолий Нестеров

Елец

Ночь –
стекло увеличительное.
Ночью всегда увеличиваются
неудачи,
страхи,
печали,
возможности,
способности,
победы,
свои достоинства,
ничтожество недругов
и т.д. и т.п. \
И только ведро
холодного утра,
опрокинутое на голову, \
расставит
всё
по
своим
местам.

Море
морит,
моет.
Вольно
волнам...

Передо мною морцо.
Морцо –
это залив.
Только твоё лицо –
невыносимо вдали.
И не пойму я:
ночь или день
в сердце пришли.
Ох, уж эти глаза –
сирень,
сирень и залив.
Словно в тумане свет,
мерцает вдали морцо.
Встречи нет.
И разлуки нет.
Только твоё лицо

Мария Теплякова

Суздаль

Первый день

Ты уезжаешь очень далеко.
Так далеко, что нет тому названья.
Молчит зима, и словно изваянье
среди толпы с протянутой рукой –
голодный попрошайка у метро.
А в нем обнажено мое нутро –
я точно так стою на перекрестке,
и мир вокруг непознанный и взрослый,
мне все в новинку. Впрочем, всё старо.

Ты белый голубь, собеседник Божий.
Вот весь мой кошелек, возьми, прохожий,
раз я могу тебя им одарить...
Бессмысленно меня благодарить –
настолько этот дар сейчас ничтожен...

спроси у Бога, голубь, как мне быть –
Когда Москва была тобой одной
и вдруг она уехала домой.
Остались схемы метрополитена,
остались в магазинах манекены,
замедленная съемка мостовой,
где только что текла река людская
и звук звучал, и не переставая
глаз натыкался на автограф свой...
Всё то же там. Но только свет другой
и в той Москве я никого не знаю.

Как на картинах старых мастеров
горит закат. И город городов
весь золотой, и улица прозрачна,
и кошки несусветные лихачат,
раскачивая струны проводов.
Твоя такая странная Москва...
Снего-восток, а может, вьюго-запад –
не вижу сквозь серебряную слякоть,

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

море: лимонными дольками

нарежьте мне море лимонными дольками
без чаек отчаянья
море – и только
чтоб был ободок от восхода по краю
и быстрый дельфин как посланник из рая

и я под язык положу эту дольку
чтоб выжить зимою полынной и горькой
чтоб плавать зимою как рыба в воде
подобно морской путеводной звезде

ихтиология

барракудовы глаза ваши братья
бремя Брема пуще всяких закланий
финно-угрево федорино горе
черноморино намолено море

бодхисаттва – половецкая рыба
мы и рыбой быть наверно могли бы
да зарыблено подводное царство
и в ходу у них не души а цацки

золотая ты моя чуда-юда
я ловил тебя и буду и будду
повстречаемся в калькуттовом небе
заходи скажи я дочь твоя ребе

куда ведут знакомые слова.
тут бесполезно щуриться и плакать.
Не плачь ни от какой такой печали,
ведь время протекает по спирали
и наша встреча только предстоит.
Она еще растет в саду, немая,
но неизбежная, как середина мая,
как дремлющий алмазным сном графит.

Не плачь ни от какой такой печали.
да, мы с тобой нелепо прозвучали,
не в терцию, не в кварту, летним днём
мы прозвучали в малую секунду...
и удержаться запредельно трудно,
но очень важно выдержать её.
Гармония нас не оставит, что ты,
Мы станем вдруг прозрачной целой нотой,
воздушным шаром в небе над Москвой,
И полетим над детскими руками,
и над улыбкой, и над облаками,

над партитурой города живой...

Как нотный стан внизу лежат дороги.
Восьмушки-птицы быстрые, как боги,
гобои рек и сосен голоса –
все зазвучали музыкой знакомой...
вода Вивальди льется, невесома,
и расправляет ветер небеса.

Ты этот день одень, как амулет,
носи на счастье много тысяч лет.
он – круглое кольцо с утра до ночи,
в нем нет часов, он жизни не короче,
и в нем на все вопросы есть ответ.
Носи у сердца раннюю звезду,
а я внутри кольца к тебе иду –
вне времени и общего пространства.
По буквам прочитаешь в книге той –
что навсегда – лишь ветер над водой
и первый день творения остался.

Елена Краснощекова. «Залив» (холст, масло)

Дмитрий Белолипецкий

Суздаль

ЗВОНАРЬ

Кто узнает, где берег ветров
Серебром увенчавшего солнца.
Кто считает молитвы ручьёв.
По краям берегов – одинокие лица.

Ветер сменит листву, а уставшие
Пальцы деревьев укроют снега.
Птицам некуда больше спешить.
До весны полбеда, остаётся лишь ждать...

Не испытать колокольного звона до дна.
Ты мне веришь?
Не испытать, и не нужно играть в небеса.
Ты мне веришь?
По разбитым дорогам – слепым звонарём –
Вижу небо.
Ты невеста моя,
И никто не сумел догадаться,
Что звон мой – в тебе.

СЕРЕБРЯНЫЕ ПТИЦЫ

Спи да не смотри в окно, у Господа прошенный.
Спи, я расскажу тебе о птицах серебряных.
Как летели к солнышку от земли над избами,
Да настигла вьюга их у нашего озера.

Долго пели песни, да не было покоя им.
Всё манило солнышко, а пёрышки не слушались.
Спи, да не смотри в окно, у Господа прошенный,
Им ведь не помочь теперь, небу не отдать.

Не было печали, да птицы накричали.
Всё искал то озеро с серебряными птицами.
Потерял покой, да просил у Господа:
«Успокой вьюгу, отпусти на небо их».

Не было печали, да птицы накричали.
Унесли с рассветом душу на крылах.
Тихо пели песни прощальные:
«Господу угодно так, ты уж нас прости».

Не было печали, да птицы накричали,
Серебром над вьюгою душу унесли.
Прилетай по осени,
С птицами над избами.
Ты прости меня,
Знать, Господу видней.

Светлана Крюкова

Нетварный свет

Когда бот станет богом,
душа – ношей, кодексом, файлом... папкой,
и за сервером каждым – духом падкий
юзер свято уверует: «я – Бог!»,
неизреченных глаголов «ноль бит»
перевесит бесшабашную спесь бесью.

Обратный отсчёт

А что, если небо заглядывать в окна устанет,
колючей щетиной ощерятся солнце и воздух,
Навеки покинут родные края птичьи стаи,
пожухнет трава в лабиринтах бетона и стали,
поникнут деревья, цветы и поймём вдруг, что поздно...

Прото

В этом измерении меры нет и времени,
звук троичной пустоты качается на стремени.
Ветры первозданные рвутся в мироздание
и бушующий огонь томится, в ожидании.

Ради этой ромашки и росы на траве
ты взорвешься однажды.

Хирургическая оплошность

кто-то забыл во мне огонь

Елена Трояновская

Суздаль

Звезда упала с мантии небес.
Звезда упала где-то недалеко –
Вот только перебраться через речку
И прошагать сквозь недремучий лес.

Звезда упала нынче ввечеру.
И я сама была тому свидетель –
Вот умереть на месте, если вру,
И лживый прах пускай развеет ветер.

Звезда упала, а точней – сошла,
Как с возвышения царей нисходят жены.
И след остался – тонкая игла,
Молниеватый и пообожженный.

Я всегда буду рядом с тобой,
Я всегда подставлю тебе плечо,
И моей станет твоя боль –
Я возьму все, и смогу еще.
И не будет границ у моих сил,
Если я на земле для небес жива:
Так ведь было всегда – если кто просил,
Бесконечный Господь ему подавал.
И когда я просьбу скажу свою,
Милосердный со мною не будет строг –
Потому что я Бога в тебе люблю,
Потому что тебя во мне любит Бог.

Был сырой и распутный январь,
И прогулка по ночи была перед самым рассветом.
Вдруг увидела я, как деревья из тьмы потянули фонарь
Зыбким тралом тугих и изломанных веток.
И из этого рваного невода
Птицы вырвались черной растрепанной стаей.
Вот кружатся они, вот о чем-то кричат –
Как валькирии горькую книгу листают.
И метание стаи вороньей – ведь что-то оно предвещало,
Что-то мне посулило оно, что-то мне оно пообещало?
Только время клялось
Над заснеженным суздальским краем
В том, что все-таки утро сбылось
С этим черным пронзительным граем.

Рисунок Александра Иосифова.

В комнате, где пыльный тетерев
Век мечтает о весне,
В комнате, обшитой деревом,
Со слезою на сосне –
Прикоснулись пальцы тонкие,
Незнакомые ко мне.
Два мгновения недолгих
Я была не на земле.
Ерунда. Но вдруг вселенная
Сузилась до этих стен,
И, опять внезапно пленная,
Я воспела этот плен,
Словно не из глины слеплена,
А из хрупкого стекла,
Словно жизнь моя нелепая
Ради этого была.

Надежда Шляхова

Сергиев Посад

Упругим шпилем колокольни
Быть устремленною в зенит...
(А колокол качается,
А колокол звенит,
И гулкий зов плывет над миром дольным)

Века — натянутой струною
К земле привязывать полет...
(А колокол качается,
А колокол поет,
Отринув притяжение земное)

Корнями — камнем и металлом —
Сливаться с тьмой и глубиной...
(А колокол качается,
От высоты хмельной,
Не ведая про черные подвалы)

Чтоб были перекрытия легки,
Чтоб стал церковный свод похож на чудо,
Служили мастерам голосники —
Большие длинногорлые сосуды.

Они в себе держали пустоту
И легкость. Горловиною наружу
Подхватывали звуки на лету,
Гасили эхо, пробуждали душу.

А нынче, вдохновением влеком,
Ни на кого за скудость не в обиде,
Работает поэт голосником,
Кувшином в современной пирамиде.

О, наших дней горение и дым!
Богатства и любовь уходят в Лету.
Поэту вправду надо быть пустым,
Но полным тишиной, и тьмой, и светом.

И, словно обреченность и оброк,
Нести в себе безбожие и Церковь,
Чтоб небеса не так давили сверху,
Чтоб каждый слабый шепот слышал Бог.

Акварель Галины Якубовской.

Память генов

*«Расстрелянное время
распрямилось,
Вдохнуло смерть
и выдохнуло нас».
М.Никулина*

Нас рождало время лагерей,
Вслед смертям, отчаянно и люто,
Неизжитой тягую к уюту
Наших осужденных матерей,

Нежностью, оттертою дотла
Едкой кислотой и горьким прахом,
Выжженным преодоленным страхом:
Нечего терять – одна зола...

Оттого гнездимся высоко,
Никогда не прибываясь к стае,
Оттого, легко приобретая,
Нажитое раздаем легко,

Видно, тело в темной глубине
Знает, каково остаться голым,

Нищим, и бесправным, и бесполом
С голодом своим наедине.

Память генов мучит, как своя,
Тихо говоря, что век твой краток,
А душа – мерцающий осадок
В дьявольской реторте бытия.

*** * ***

Густеет стеклянистая вода.
Весь мир – колодец, ледяной и влажный.
Душа озябла. И совсем не важно,
Что где-то там, на дне, горит звезда,

...Да не одна. Мерцающий узор,
В оправу твердо взятый берегами,
Блестит во мгле на тусклой амальгаме
Колодезных немеркнувших озер...

...Еще одною тайною земной
Судьба твоя становится богаче.
Уйми озноб. Сними завесу плача
И загляни в колодец ледяной.

Александр Корамыслов

Воткинск

ПРОЗРЕВАЮЩИЙ ВЗГЛЯД

Я – не прозорливый ни капли,
Только прозреваю от горя:
В море одиночества Капли –
Капля одиночества Моря...

Только, приглядевшись почутче,
Вижу за улыбкою мима:
В мире одиночества Чувства –
Чувство одиночества Мира...

ВЗГЛЯД НА ПОЭЗИЮ

Глухонемеющих «рад бы...»,
Глухонемеющих «буду!»
Кровопотливые свадьбы
И кропотливые будни:
От переводов на личный
Письменный – с глухонемого –
До переводов наличных
Звуков – для глухонемого...

ВЗГЛЯД НА ЛЮБОВЬ

Сквозное искусство
Дышать сквозняком –
Сквозь губы вприкуску
И слёзы вприхлёб –

Сквозь зубы зову
За адово – Адой,
Сквозь пальцы зову
За раево – Раей,
Сквозь рёбра зову
За мужество – Музой...

Сквозь буквы – зову
Я голосом – голос...

ДОРОЖНЫЙ ВЗГЛЯД

...И тощ – неистощим:
И дождь – неиздождем,
И грязь – неизгрязнима,
И грусть – неизгрустима...

Валерий Мутин

Пречистое, Ярославская область

Козуля

Задорную русскую пляску «кадриль»
«Козулею» звали селяне.

Клубилась над лугом горячая пыль,
Когда разгоралось гулянье.

Стонал и качался разбуженный лес,
И падали звёзды на крыши.
Какой-то верзила по прозвищу Бес
Скакал головы своей выше.

И с кольями парни – на стену стена –
Плюя непрерывно в ладони,
Шли в наше село за волною волна,
На яростный голос гармонии.

Раз Комина Федю побить сгоряча
Чужие ребята хотели.
А тот – за оглоблю, да так осерчал,
Что дровеньки в воздух взлетели.

От топота ног взорвалась тишина,
Захлопнулось, звякнув, окошко.
Сквозь рваную тучку глядела луна
Кривой перепуганной кошкой.

Старухи проснулись в окрестных домах,
Слова покатались, что гири.
Какая-то девка кричала впотьмах:
– Убили Федюху!.. Убили!..

Забывшие были родной стороны...
С «козули» свою дорогую
Тайком от парней до восхода луны
Увёл я в деревню другую.

Константин Кедров. «Омут» (монотипия).

Грибная пора

Посетите осенью мой край.
Принесу я к вашему застолью
Белый гриб – как белый каравай,
Инеем присыпанный, как солью.

Серебром одарит вас река,
Утренней прохладой – перелески.
Слышите на перекатах всплески?
Это жерех бьёт хвостом малька.

Медвежонок – царь природы дикой –
Вновь испачкал мордочку брусничкой.
Множит эхо отдалённый лай...
Загляните в мой волшебный край.

Воробьи

*Есть притча: Иисус Христос в младенчестве,
играя, лепил из глины воробьёв. Прибежал
соседский мальчик и стал их топтать. Воробьи
ожили и улетели.*

Я мало написал стихов.
Не на века моё искусство.
Всего-то стайка воробьёв
В изгнании слепленных Иисусом.

Поэтом, – Боже сохрани –
Ничьею милостью я не был...
На слабых крылышках они,
Чирикнув, улетели
В небо.

Элла Матвеева

*

Мой день рожденья; несут мне дары:
Пять банок сухой заграничной жары
(На случай холодного, мокрого лета –
В Москве ведь нередко случается это).
Затем для комплекта несут веера
Из крыл стрекозиных, ручьев серебра.
Фонарик подносят – цветной фитилёк,
В нем вечной надежды горит огонек –
На то, что плохое забудется,
а все, что хорошее, – сбудется.
Ещё мне волшебный свисточек несут:
К губам поднесешь, и друзья тут как тут.
И были веселыми гости мои,
И пел нам сверчок, как поют соловьи,
И ангел играл нам на лютне –
(Крыла отражались в студне.)
И в танце мы плыли почти неземном,
И звезды сияли в бокалах с вином.
Мы плыли и плыли всю ночь напролет,
И милый шептал, что теперь не уйдет.
Спасибо, Господь, за сегодняшний вечер.
Спасибо за эту счастливую встречу.
Спасибо, что дал ты душе отдохнуть,
Спасибо, что в завтра нельзя заглянуть.

*

Мы щедро тратим божии дары,
Чтоб овладеть и тем, и тем по новой.
И плачемся, когда в конце игры
Нас обошел кто более фатовый.
Мы долго счастья своего не сознаем.
К успеху рвемся, пусть он жизни стоит,
И к истине так медленно бредём,
Пока нас невод старости не смоем.
И лишь когда черёд уйти со сцены,
Со вздохом пересматриваем цены.
Тогда нам счастье, что нога ступает
(Хоть сердца ритм неровней и быстрее),
Что изумруд травы мы различаем
И золото вечерних фонарей.
Ну, словом, старость с нас сбивает спесь
И учит мир любить за то лишь, что он есть.

Владимир Миодушевский

Владимир

Заветный угол

Тот угол заветный
Мне с детства знаком.
Наказан конкретно,
Стоял в нем молчком.
Здесь с трещинкой каждой
Дружил, как с родной –
Ведь я не однажды
Их гладил рукой.
Стоял терпеливо,
Был сам виноват.
Сейчас же – вот диво! –
Я этому рад!
А как же иначе?
Не злюсь я на мать –
В углу этом начал
Стихи сочинять!

Птица

На подоконник села птица,
Такая лишь во сне приснится.
У перьев яркая расцветка –
Ну, прям не птица, а конфетка!
Схватил я в руки карандаш,
Но им же цвет не передашь...
Бегу я в папин кабинет,
Ищу я краски, там их нет...
На кухне краски я нашел,
Ну, наконец, все хорошо!
Теперь совсем другое дело!
Вот только птичка улетела...

Я читаю вслух

Умею книжки я читать,
Друзьям читаю вслух.
Одну прочту – ко мне опять
Несутся во весь дух:
– Вторую книжку нам прочти! –
Прочту вторую, пусть,
Хоть я не знаю букв почти,
Читаю... наизусть!

Рисунок **Владимира Миодушевского.**

Воздушный змей

На свете много всяких змей:
Есть кобры, есть гадюки,
Удавы – подойти не смей,
Они такие злюки.
А у меня – воздушный змей,
Он добрый и послушный.
Послушен он руке моей,
С ним никогда не скучно!
Взлетает прямо в небо змей,
Парит туда-обратно!
Он – самый настоящий змей,
Но только он... квадратный.

Евгений Гусев

Ярославль

ИЗЛЕЧИЛСЯ

Объявление на заборе:
«Маг-волшебник! Всё для вас!
Помогу в беде и горе!
Устраняю порчу, сглаз!»

После двух недель леченья
В неприглядном закутке
Появилось облегченье,
Правда, только... в кошельке!..

ДРУГИ МОИ

Г.Букланову,
С.Гурлеву,
В.Васильеву

В парке возле истукана –
Дядьки с лысой головой –
Пили вермут из стакана
Одного, – нам не впервой.

Каждый был друг другу дорог,
Каждый был друг другу рад.
Было это всё лет сорок
Или сорок пять назад.

Разошлись – кто в Подмоскowie,
Кто на север, кто на юг...
Не с кем выпить за здоровье,
Нет друзей и нет подруг.

Нету сладкого тумана
Ни в душе, ни в голове.
Нету больше истукана –
Спит, низвергнутый, в траве.

Раз в году – звонок из Луги,
Из Одессы, из Саха...
Помню вас, люблю вас, други!
Остальное – чепуха!

РЕНТГЕНОЛОГ

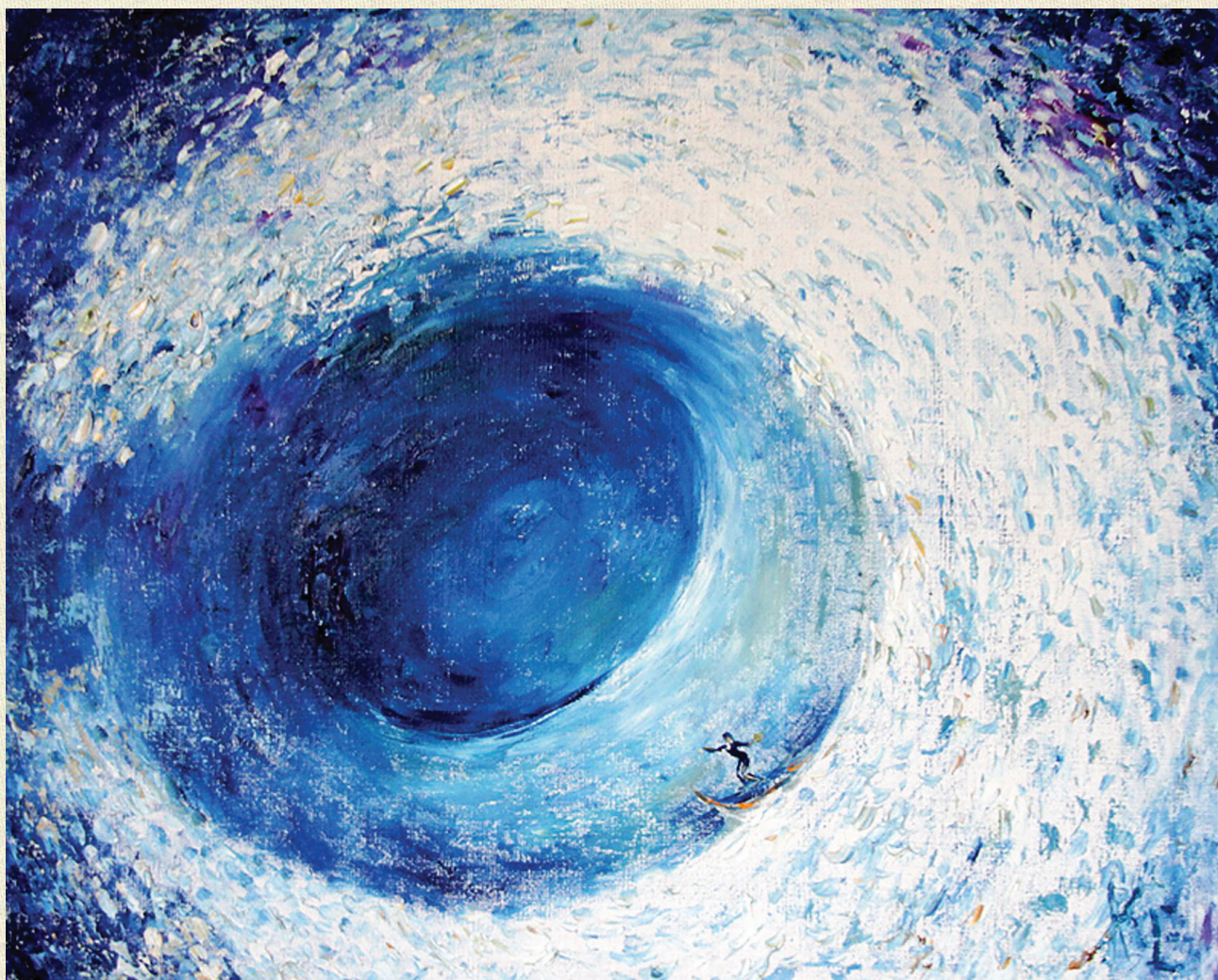
Путь открытий очень долог,
Труден, нет ему конца...
– Что такое рентгенолог? –
Дочь спросила у отца.

– Рентгенолог, дорогая,
Дед Степан, – сказал отец, –
Он супругу бабку Раю
Запросвечивал вконец:

После третьей стопки сразу
Горлопанит зоркий дед:
«Я насквозь тебя, заразу,
Вижу сорок с лишним лет!»

Рисунок **Игоря Ревякина** специально для ПО

Елена Краснощекова. «Волна» (холст, масло).

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

Волошин в Коктебеле в 1932 году

Посох стёрт... Хитон изношен...
Одинокий и больной,
Берегом
бредёт

Волошин,
Он бредёт к себе домой...
Солнце светит –
и привычно
Море плещется у ног...

Что – первично? Что – вторично?
Отвечал, покуда мог.

Но, первичны в самом деле,
Хороши или плохи,
Пожелтели акварели
И журнальные стихи...
Вдохновения Жар-птицу

Не вернуть, увы и ах...
Не вернуться за границу,
В храм богини Таиах,

В край, где жизнь благоухает
Наяву или во сне...
А дыханья не хватает
На родимой стороне...
От безумного раздора
Воздух мёртвым стал уже.
Не хватает разговора
По душам – живой душе...

Он домой бредёт,
В надежде,
Что с краёв России всей
Вновь к нему,
как было прежде,
Понаехало гостей...

Валерий Байдин
Кан, Франция

Фрагменты из романа
Начало в № 5-9 2012 г.
и № 1-5, № 7 2013 г.

СВА

ПРОЗЫРЕНИЕ

Рисунки
Александра
Иосифова,
70-е годы XX в.

Незнакомка

Было далеко за полночь, когда они вспомнили о еде. Решили ужинать в полной темноте.

— У тебя есть чтонибудь накинуть? Неохота в джинсы влезать.

Сва со смехом завернул её в простыню.

— Теперь ты античная богиня. У тебя только одна рука свободна, и я должен тебя кормить и поить вином.

— Нет, я кошка, я вижу в темноте и буду искать для тебя пищу. Ну-ка, открывай рот! Жуи теперь. Опять открой!

Тихо давясь смехом, попадая мимо тарелок, они по очереди вылавливали вилками холодные макароны, тыкали в блюдо с салатом, разливали у окна на призрачном свете и пили летний, тёплый портвейн, что-то роняли на пол и сами едва не падали, сталкиваясь друг с другом. Какое это было счастье, коснуться Лю в темноте и наугад поцеловать. Найти её губы и потерять себя.

— Ты теперь поняла? Я первый сумасшедший на свете. Ты должна меня лечить от неизлечимой болезни.

— От какой ещё болезни?

— По имени «Лю».

— Ни за что!

И через несколько минут никчёмный вопрос:

— Ну, наелась? Хоть чуть-чуть?

— Я и не хотела.

— Ладно, тогда закрой глаза, будет сюрприз!

Сва, подкравшись, поцеловал ей грудь.

— Оо, так нечестно, — шепнула Лю, зарылась лицом в его бороду, обняла за шею.

— Тогда будем танцевать! — Сва подхватил её под руки и закружил вместе с развевающейся простынёй. — Слышишь музыку?

— Не очень.

— Здесь, слушай, — он прижал её ухо к своей груди.

— Красиво, только ритм бешеный.

— А ты сделай помедленнее.

— Боюсь, не получится.

Простыня упала, и они завернулись в его старый халат...

А потом в долгом полусне шептали слова-поцелуи.

Руки Лю мягко текли по его телу, Сва всматривался в золотящиеся даже в полумраке волосы и вспоминал, как светились они ночью в метро, когда его душа бессильно цеплялась за жизнь.

Мерещился за окном утренний свет, а у груди веяло тё-

плое дыхание Лю. Никаких слов ей не было нужно, чтобы сказать: «Я твоя, навсегда с тобой». И сознание вспыхивало в ответ: «Какое счастье быть вместе, от всех проклятий ограждать и ограждаться любовью!» Несколько раз Сва засыпал и просыпался, видел, как ночное небо наполняется глубокой синевой, вдыхал посвежевший воздух и опять погружался в дремоту. Лави навсегда ушла из этой комнаты, а потом из этого мира. Только сейчас ему стало ясно, как ненадёжна была их любовь. Просыпались птицы, пробовали голоса, и Сва печально засыпал под их пение.

Утром Лю мгновенно освоилась и в комнате, и в квартире. Как только за стариками захлопнулась дверь, вскочила и, не одеваясь, с чайником в руке побежала на кухню готовить завтрак:

— А ты лежи и не смотри! — крикнула изза двери, и через миг: — У тебя там классные кассеты есть. Поставь что-нибудь, «Битлов» или «Флойдов».

Он не смотрел, но видел Лю с закрытыми глазами, чувствовал на подушке душистый запах волос, ладонями ощущал рядом её тело, ловил весёлый голос. Включил магнитофон и сразу убавил звук.

— А ещё я у тебя около кровати гантели заметила. Ты что на спорте заворачиваешься?

— Да так... Когда-то бегал, в высоту прыгал. У меня и гири есть, год в руки не брал.

— А ты возьми.

— Хочешь? Хоть сейчас!

Она хмыкнула, вбежала в комнату, прожгла его влюблёнными глазами и запела:

— Отвернись! Ляляля, сейчас будет завтрак! Ляляля, до вечера квартира наша!

— А теперь можно смотреть? Зачем тогда глаза? — бубнил Сва.

— Нельзя, я в душ бегу.

Лю вихрем пронеслась от двери до окна и обратно, собирая разбросанную одежду и перестреливаясь взглядами со Сва.

— Ты обещал отвернуться.

— Я не обещал, я тоже в душ хочу.

— Ну нет! Я кормить тебя должна.

— Лучше я буду голодать.

— Не выдумывай. Сейчас мы с тобой будем завтракать, первый раз в жизни! Представляешь?

Ели опять в комнате — настолько кухня показалась Сва

жалкой и тесной. Лю приготовила из его вчерашних изделий крошечные бутерброды с маслом и плавленым сыром. Села к нему на колени, и они по очереди пили кофе с цикорием из единственной, красивой, треснувшей по краю, чашки. Сахара в доме не оказалось.

— Какая горечь! — морщился Сва.

— Как сладко... — пела Лю.

Всё утро, за завтраком и после него, Сва прислушивался к своим ощущениям, а в голове повторялись одни и те же мысли: «Неужели началась новая жизнь? Моя любовь — в моих объятиях. Но как жить с нею день за днём, в этом убожестве?»

Лю, видно, что-то прочла по его глазам и неожиданно сказала:

— А у тебя тут классно. Тихо. И от метро близко.

Сва улыбнулся, пожал плечами, смущённо спросил:

— А соседи тебя не напрягают?

— Пфф, почти все, кого я знаю, так живут. Думаешь, с родичами лучше?

— А что твои скажут, если ты ко мне переедешь?

— Они будут несказанно рады. Я уже два года, как из дома ушла.

— Постой, а где же ты жила? Где сейчас живёшь?

Лицо Лю застыло. Она опустила глаза, откинулась на спинку стула. Сва недоумённо ждал и хмурился всё больше.

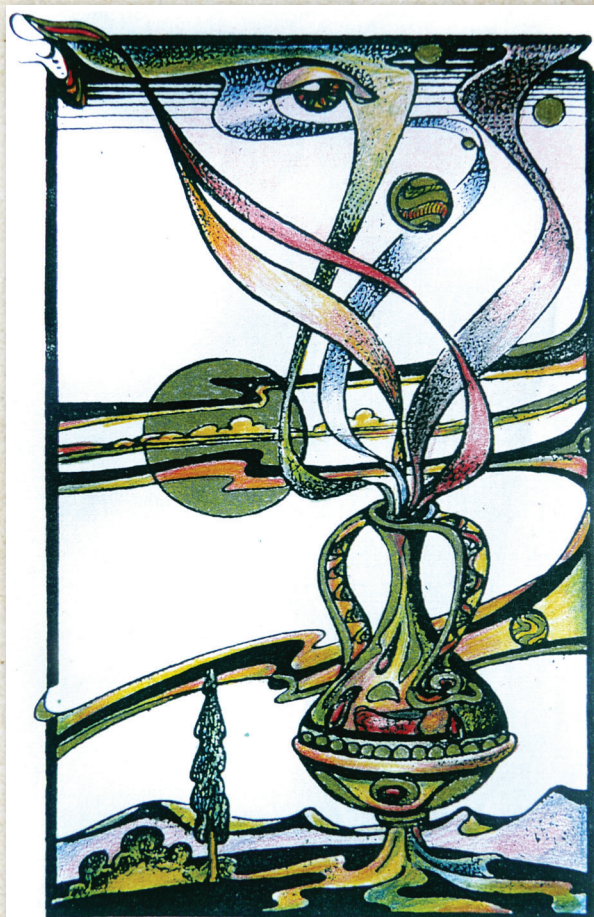
— Почему ты молчишь?

Полузакрыв веки, Лю провела ладонью по лбу и опять замерла. Вместе с клубами сигаретного дыма между ними несколько мгновений плыла невыносимая тишина.

— Ладно... — вздохнула она. — Что мне от тебя скрывать? Расскажу всё, как есть. Подкинь смок, пожалуйста.

Сва пододвинул по столу пачку сигарет и зажигалку. Лю затаилась, отвела лицо в сторону:

— Я училась в пед, на английском. На втором курсе вошла в систему и слиняла из дома. Понятно, почему. Сразу сплошняком пошли тусовки, квартирники, сейшены. Учёбу бросила, по дурости, конечно, надоело букварь терзать. Сейчас жалею, — она никак не могла пристроить на крае блюда сигарету, чтобы скрыть дрожащие пальцы. — Сначала у институтской подружки жила, пока она летом на даче отдыхала. Потом месяца на три прописалась у Лави с бабушкой, в то время её дидэ фазер как раз к новой жене умотал. После этого почти год с одной френдихой по разным флэтярам кантовалась — в Москве, в Питере, в Риге. Такого насмотрелась... Чувствую, больше этой жизни не вынесу. А тут один тип вроде как мэридж мне предложил. Вижу, совсем он не по мне, но както себя пересилила — деваться некуда. В общем, в однушку к нему переехала. Он в Строгановке на тубика готовился, маслом рисовал неплохо, но ещё до меня всё забросил. Слонялся за мной, как последний неутыка, по жизни полный дебил оказался и к тому же торчок. Я тогда гидом в «Интуристе» подрабатывала, приносила домой гринь, франки, клоуз фирменный — всё, что интура нам совать любит. А он всё внаглую толкал и ширялся. И меня к наркоте тянул. Мне такая жизнь сразу в отврат стала. Напрягалась я с ним месяца полтора, чувствую, больше не мо-

гу, и от него нацелилась. А тут гэбэ что-то унюхало, и меня из моей конторы вышибли. Я без работы осталась, а он в своём застёбе — всё из дома тащит и торчит без передыха. Лави тогда мне как отрубила: «Линяй от него, срочно!» Познакомила с Лилиан, попросила её рум для меня найти подешевле...

— Лави знала Лилиан?! Знала «олдов»? — Сва в изумлении вскочил изза стола.

— Увы, даже слишком. И если бы они её не посадили, может, как-нибудь выжила бы.

— Тебя они тоже на наркóту брали? — резко перебил, сел, нервно закусил губу.

Лю скользнула мимо неясным, больным взглядом:

— Поначалу. Ты ведь знаешь, как они на внешность давят. Нам обоим месяц понтыру гнали. Лави у них быстро повелась, и я не сразу всё просекла. Они так грамотно нас развели... — Лю потерянно посмотрела на Сва: — Нам было тогда по девятнадцать. Хотелось олдовых людей встретить, систему понять хотели. В тусовках иногда поговорить не с кем было, вокруг народ какой-то убогий крутился, все озабоченные ходили. А эти о поэзии глаголят, о красоте, о любви запредельной. И всё так загадочно, так кайфово. Лави первая подседа у них, от безнадёги, конечно, как раз после второй крезы. И мне как-то предложила: «Попробуй, берёт много лучше вайна». Дунули мы у неё дома, меня ломать стало. От дури, особенно, от гаша у меня измены жестокие были. И от колёс тоже. «Олды» долго со мной возились — за мои же баксы, естественно.

И вообще внутри у меня всегда что-то против наркоты упиралось. Слава Богу! Это я потом поняла, почему.

— Почему?

— Говорю же, бабушка меня отмаливала, чувствовала — что-то не то со мною. Потом и я вслед за ней стала в церковь ходить, свечки ставила, просила, чтобы от всей наркоты разом отвязаться. И о самом главном в жизни просила, — Лю прервалась, посмотрела умоляюще, на её глаза наплывали слёзы. — Прости, нервы расшатались до невозможности. Поверь, я уже почти два года, как на наркоте зашла. Хочешь, тут же курить брошу? Вот с этой сигареты? Я выдержу, с тобой мне всё в кайф. С тобой мне ничего не нужно, ни денег, ни шмоток, ни флэта отдельного — ничего. У нас всё будет заново, веришь? Ну, скажи что-нибудь! — почти крикнула она последние слова и зарыдала.

— Верю. Только теперь очень боюсь за тебя, — Сва несколько раз прошёл от окна к двери, остановился перед Лю, погладил по волосам, но спросил хмуро:

— А эти «олды», для чего они тебя так раскручивали? Чтобы потом наркоту впаривать?

— А ты до сих пор не понял? Это же барыги, отравой втихую торгуют и этим живут. У них всё кругом схвачено, им только прайс нужен, а всё остальное для них пурга и лажа.

— А как же поэзия, суфии?

— Они, конечно, нахватались всего, но это для отмаза. Замануха у них такая придумана, для особо продвинутых. Нас с Лави они тоже сначала грузили по полной. Но главное там не базар заушный. У «олдов» одни на наркоту садятся — кого на какую потянет, другие сразу сваливают, так ничего и не поняв. Таких они сами быстро заворачивают. А тех, кто повёлся, быстро до ломок доводят — прайс вытрясают. Кого-то на секс пробуют, себе по вкусу. А когда всё высохнет, спихивают в дурдома и дальше по кругу — на самые гнилые флэтары, хоть на помойку. Им всё по барабану.

— Лю... — он покраснел.

— Я сразу догадалась. Не думай, ты у неё не один такой был.

— Как всё гнусно! — Сва зажмурился, словно от едкой пыли. — Она же мне без передыха о любви говорила, клялась по телефону, что умрёт, когда я с тобой от них сбежал.

— И ты поверил этому гониву? Она просто боялась тебя упустить, её постоянно на передок коротит. Нил — то ли голубой, то ли на мальчиках-девочках западает. Лилиан от такой жизни давно шизеет, на гаши и ещё на чем-то сидит. Но эта мразь намного страшнее Нила, это настоящее отродье адское.

Сва тяжело вздохнул и отвернулся:

— И перед тобой, и перед собой погано, до омерзения.

— Забудь. Это как слепому под машину попасть. Ты самое ужасное ещё не видел. Слава Богу, жив остался, — Лю горько глянула на него и вздохнула.

— Как же ты во всё это въехала? Не представляю.

— А мозги зачем? Если ты не нарк, всё понемногу становится ясно.

— Мда, тебе как-то удалось от «олдов» отвязаться, а Лави вот не смогла.

— Отвязаться? Не так всё просто. Она меня к ним привела, когда я нулевая была, почти на улице. И «олды» мне классный хэлп сделали, от всей души. Так обули, та-ак! Ты не поверишь, устроили мне комнату снимать по дешёвке, за двадцать деревянных, как бы у своих друзей. А реально знакомым толкачам подарили, хотели так. Лилиан особенно хотела, потому что на наркоту посадить меня толком не смогла. И вообще чувала во мне что-то, ненавидела. Попала я в полный отстой — в хавиру урловую.

Эта парочка только жила вместе, а прайс, дурь, черняшка, мужики-бабы — всё отдельно. Договорилась быть им вроде домработницы — еду готовила, в лабаз бегала, флэт убирала. Косила под шизанутую, совсем убогую, соврала, что печень больная, что от наркоты и водяры загнуться могу. И с этим никто ко мне не лез, они собой занимались — то сходились, то расходились. Недели две-три я там чудом продержалась, всего стремалась. Как раз в эти дни у Лилиан тебя и встретила... Но потом он шалаву свою выгнал, и я одна с ним осталась. Мерзкий, мочковый такой хмырь. Может, думал, я замуж за него захочу. Ему под пятьдесят.

— Как? — выдохнул Сва и зажмурился от неожиданности.

— Ты не одна?

— Нет, я именно одна, абсолютно! Я заберу от него вещи и всё! Он никто, чмо с флэтарой и только.

— Значит ты... — Сва будто подавился, лицо его потемнело, а мысли начали путаться.

— Нет, совсем не то! — Лю бросилась к нему, умоляюще обвила шею. — Сва...

— Да ладно, — смутился он и пробормотал: — Что нам с тобой грехами своими меряться.

— Подожди, я всё-всё тебе расскажу! Было совсем другое. Всё просто, до рвоты... В тот же вечер, только он ко мне полез, я, помню, стол опрокинула, подбежала к окну и закричала: «Или я полисов позову, или в гэбэ настучу. И ты, мразь поганая, в тюрягу пойдешь! Мне уже край!» Он с испугу стал грозить, что меня в крезу припарит, что у них с Лилиан рука среди халатов есть. Но отстал. А я тут же собрала сумку и, пока он в сортире был, сбежала. Была в запределе, хотела на вокзале ночевать, наутро к тётке в Курск ехать или ещё куда-нибудь. Но мне опять Бог помог, не иначе. Позвонила наугад к одной знакомой художнице, расплакалась, попросилась к ней в мастерскую, хоть на время, хоть на пару ночей. И, представляешь, она прониклась, приютила. Так я у неё и прописалась, уже который месяц живу. Тесно у неё в подвальчике, я на топчане сплю. Она там по утрам работает, пока светло. Одинокая, несчастная, ей со мной даже лучше. Помогаю ей, как могу. Конечно, жить у неё непросто — ни воды горячей нет, ни телефона, еды толком не приготовить, но я и этому несказанно рада. Сразу работу стала искать, какую потянуть смогу. В музеях, в библиотеках — везде в облом было, хоть на завод иди. Наконец, в одном издательстве по договору пристроилась, статьи с инглиша перевожу. Платят гроши, сам понимаешь. И что погано, мастерская у неё вся картинами, подрамниками забита. Даже вещи мои некуда деть. Они у этого типа так и остались. Я как-то звонила ему, проверяла. Он про ме-

ня ничего не знает, всё думает, что я шуганулась и вот-вот вернусь, — Лю попыталась улыбнуться и грустно вздохнула: — Вот такой расклад. Понимаешь?

— Кое-что, — понуро кивнул Сва и опять взгляделся в её измученные глаза. — Прости, а может быть, ты... немного надорвалась от жизни такой? Скажи! Надо ведь что-то делать, с нервами хотя бы.

— Сам видишь, я на грани, — она посмотрела умоляюще, отвела взгляд. — С тех пор, как завязала с наркотой, на таблетках сижу — сед, сонники разные. Но это пройдёт. Когда я тебя увела от Лилиан, мне тут же легче стало. Что-то невероятное почувствовала, силы, любовь — всё вернулось. Ты мне столько раз снился, будто звал. Это всё кошмары мои были, это я тебя придумывала, искала. Знала, что буду с тобой до конца чистой, стану совсем другой. Верю, что Бог простит... Всегда мужа, детей хотела. Сегодня за одну ночь всё ужасы свои забыла, спала, как младенец. Представляешь, первый раз за два года, наверное! Здесь просто рай для меня. И ты... ты моё исцеление. Только прости меня, Сва! За всё, что было!

— Как же ты могла так жить? Почему к родичам не вернулась? — он в изнеможении мотал головой и не мог взглянуть на Лю.

— Втроём в двухкомнатной хрущёвке? Отец — синяк, алкаш непоправимый. Когда-то я его любила, сейчас видеть не могу. Мать с ним инвалидкой стала, там всё ужасно, ужасно!

Он с шумом выдохнул, хмуро кивнул:

— В самом деле, ужасно. Я, когда с родителями жил, едва не рехнулся, хотя отец и не пил. Мать настояла на размене, и мне эта комнатуха досталась, но с таким скандалом.

— Повезло тебе.

— Одного никак не могу понять, — он облокотился о край стола: — Ведь есть же всё-таки полисы, контора в большем доме, чтобы всю эту мразь окоротить.

— Не смейся, у толкачей везде полно своих. Это, кстати, гэбисты «олдов» пасут и с этого имеют. Разве ты не понял ещё, в какой помойке мы живём? Здесь почти как на зоне...

— Не могу больше! — Сва закрыл лицо руками. — Не могу поверить. Рехнуться можно!

Лю откинулась на спинку стула, обхватила себя за плечи и сказала, пристально глядя:

— Ты когда-нибудь слышал про «золотой треугольник», в котором большие бабки крутятся? Барыги, фармацевты аптечные, халаты из дурдомов, полисы продажные? А под ними нарки, путаны и прочая пыль людская гниёт. Папаша Лави стал в это въезжать, когда дочь уже почти потерял. Она мне этой зимой, перед крезой рассказывала, как он кричал, всех поубивать грозился. Да что он мог, такой слабак? Что вообще эти поганые власти могут?

— Вот что, завязывай с этой хавирой! Немедленно! — Сва почувствовал, что его спина и руки становятся липкими от пота. — Не знаю только, как это сделать?

Глаза Лю вспыхнули:

— Это как раз легко. Днём он всегда где-то шляется, баб-

ки заколачивает. Сейчас лучшее время. Поехали, заберём вещи, а ключи я брошу ему в почтовый ящик. Он поймёт, что я навсегда скинула, начнёт шмонать по городу, через своих справки обо мне наводит. Но теперь он меня не найдёт. Не полезет ко мне, даже если что-то узнает. С тобой я просто исчезну для них.

Сва вскочил со стула, заметался по комнате, будто искал выход. Остановился напротив Лю, сжал кулаки и отчеканил:

— Всё! Сейчас же едем!

Это был старый трёхэтажный дом на Бронной. Они поднялись до конца лестницы, Лю из предосторожности остановила Сва перед замызанной дверью, но не захлопнула её. От подсохших кошачьих лужиц в подъезде стояло зловоние, в луче солнца из разбитого окна горела летучая пыль и серебрилась дранка под осыпавшейся со стены штукатуркой.

Через десять невыносимо долгих минут она выволокла по очереди два чемодана, вынесла дорожную сумку и дублёнку.

— Без меня ты бы не справилась, — задыхаясь от жары, тащился Сва по улице, а Лю тревожно озиралась по сторонам.

Успокоилась только в метро, несколько раз глянула через окна вдоль вагонов и прильнула к Сва. Они сидели в полупустом поезде, как вчера. Рядом подпрыгивали, едва не падая, чемоданы.

— Даже не верится, столько месяцев сплошного кошмара... — на одной из остановок сказала Лю, будто сама себе, вздохнула и ещё крепче обняла Сва: — Если бы не ты, они бы меня доконали. Я бы вслед за Лави отправилась.

— Больше не думай об этом! Лучше скажи, чем чемоданы нагрозила? Тяжеленные.

— Там книги. Когда-нибудь должна же я свой пед поганый закончить.

— Такой уж поганый? Мой универ не лучше.

Сва вспомнил недавние экзамены и рассмеялся:

— Главное — с учёбой слишком не заморачиваться! — кричал он в нарастающем рёве. — Войдёшь в ритм и не заметишь, как долетишь до диплома. Твой пед — чепуха по сравнению с главным.

— А что главное? — она лукаво улыбалась.

— Я тебе на ухо скажу.

Лю пододвинулась и утонула в его объятиях.

Перед обедом они зашли в магазин рядом с домом и долго выбирали, что бы купить. На прилавках было выставлено всё для приготовления пищи кроме самой пищи: трёхгранные бутылочки с уксусом, пакетики перца и лаврового листа, пачки соли и цикория, баночки горчицы, тубики томатной пасты, коробки спичек. Кое-где виднелись толстые восковые макароны, глиняные окатыши фасоли, сахарный песок похожий на речной... Купили кило серых стружек лапши, банку морской капусты, полкило сахара, горсть слипшихся цветных карамелек и хлеба.

— Она нам последний батон отдала, — довольно заявил Сва, — Знакомая продавщица. Душевная такая тётка, всё студентом меня зовёт и улыбается.

– Тут у вас тундра какая-то. Как ты здесь живёшь? – глаза Лю круглились от удивления. – В центре магазины получше.

– Нормально живу, не переживай. Просто сейчас конец месяца, норма выполнена. Послезавтра первое июля, тогда и завезут всё по новой. Сверх плана в эсэсэрии есть не полагается. Неужели не понимаешь?

– Да мне-то любая еда пополам, я могу на чае с хлебом сутками сидеть. Мне тебя кормить надо.

Лю сварила суп с луком и остатками картошки, приговорила лапшу, высыпала на тарелку морскую капусту, заварила чай, и они сели за стол. Её лицо сияло от счастья. От истерик и отчаянных слёз не осталось ни следа.

В потоке праны

Шёл июль. Все друзья и знакомые наверняка уже разъехались по летним трассам, но Сва и Лю не хотели никуда уезжать. Жаркий, влажный после ночных дождей воздух плыл по улицам и дворам. К полудню всё высыхало, кружился в позёмке мелкий древесный сор, жухлая листва рукоплевала каждому ветерку, дрожал перегретый воздух, нестерпимо жгло шалое, пыльное солнце. Ближе к вечеру сотрясало небо, короткие сверкающие дожди пробегали над городом, хлестали по стенам домов, метались по мостовым и крышам автомобилей. Промокшие, под единственным плащом, они с Лю счастливыми безумцами бродили в тёплых струях, не разбирая дороги, утопая по лодыжки в дождевых ручьях. А когда вновь проглядывало солнце, в мир на короткое время возвращалась весна. Где-нибудь в сквере, где ещё слышалась редкая капель, они обнимались до головокружения и дышали дождевой золотистой пылью. Вдоль тротуаров струилась тёмная вода, сохли намывы земли с газонов, в воздухе веяло невыносимой свежестью, надрывались от восторга птицы, и даже у самых несчастных людей смягчались лица, а в глазах просыпалась надежда.

Целыми днями Сва и Лю пропадали в диких и пустынных городских парках. Ездили в Царицыно, Кузь-

минки, Измайлово, Серебряный Бор... Загорали в траве, бродили мимо полузаброшенных старинных дворцов и руин, перечитывали друг другу любимые стихи, сидели у заболоченных прудов, где пахло тёплой тинистой водой, следили за игрой лимонниц и полётом стрекоз, выискивали в листве поющих птиц, слушали вороньи крики и говорили обо всём на свете.

– ...так он в юности писал. А сейчас я тебе самые лучшие его вещи прочту, хочешь?

– Хочу. Но знаешь, Лю... Лучшая поэзия не ложится на бумагу, остаётся ненаписанной. Ты моя книга, мой сборник стихов – твои волосы, лицо, изгиб руки, голос, каждое движение. Так и у него было, я уверен. И у всех поэтов на свете. Стихи – это зарево любви, но солнце стократ сильнее.

– Я с тобой с ума сойду.

– А ты ещё не сошла? Значит, я в большом отрыве.

– Боюсь, я тебя легко перегоню.

– Не бойся!

– Нет, умоляю, только не здесь.

– Почему? Это был бы наш лучший поцелуй.

– Сва, милый, мне так хорошо, как никогда не было.

Хочется всё запомнить, на всю жизнь. Каждую ветку над головой, каждую травинку, этот пруд, маленькие волны, коряги у берега...

– Даже их?

– Ну да.

– А это сломанное, обгоревшее дерево?

– Конечно.

– И эти ржавые банки, битые стёкла, угли от костра, кирпичи – весь этот мусор, руины вокруг?

– Пусть. Я всё хочу запомнить. Здесь я была с тобой. А над нами – целое небо счастья. Над всем этим глупым миром.

– Лю...

– Когда больно жить, не видишь даже самое прекрасное. А когда любишь, все уродства исчезают, – она схватила Сва под руку и пропела, пританцовывая: «so happy together, we're happy together». Ну, а ты? Почему не поёшь?

Он похлопал глазами и, уловив мелодию, с улыбкой промывчал:

– А я слов не знаю.

Больше всего они любили гулять в Саду, где Сва знал каждый уголок. Он вводил туда Лю, и Москва на целый день пропадала. Так много было там неожиданной красоты, которую и представить было нельзя в измученном городе.

– Рехнуться можно, какие розы! Их тут тысячи! И запах, оо! – восторгалась Лю.

А он вёл её дальше. После цветников начинались лесистые дорожки, разбегались по лугам тропинки, шли мимо прудов, вдоль маленькой речки. Перед глазами являлся почти настоящий лес. Среди лип, клёнов, орешника и ольхи матово серебрились ивы, темнела еловая хвоя, а между замшелых стволов, уходивших в зелёный полумрак, вспыхивали просверки берёз. На полянах то и дело садились в траву капустницы, становились головками цветков, взлетали и вновь превращались в бабочек.

— Смотри, смотри! — Сва тянул её за руку, и они бежали по травяному склону или входили в ельник, где ноги тонули в опавшей хвое, а на лицо садились бесчисленные паутинки.

— Как жаль, что мы с Лави никогда здесь не были. И это всё в Москве... — Лю сняла сандалии и шла по траве босиком. — Знаешь, я будто в детство вернулась. Помню, мне было лет пять, и мы с папой гуляли за городом, по лугу. Такое блаженство. Где же это было?.. Давай, я закрою глаза, а ты возьми меня за руку и веди, как он.

Накануне Лю вместо затрёпанных левисов и блузки с цветшим словом «Love», надела короткое алое платье, усыпанное белыми цветами, а волосы повязала витой тесёмкой.

— Давно хотел узнать, что это означает? — Сва пальцами повертел висевший у неё на шее простенький латунный пацифик на золотистой цепочке.

— Значения есть разные. Для меня это крест, летящий к небу. Как птица. А круг — вечная жизнь, вечная любовь и весь мир.

— Класс! Мне нравится, — улыбнулся он.

— Это не всё. Ты когда-нибудь задумывался, что среди людей есть дети цветов и есть дети травы, колючей, никогда не цветущей? И что цветы, пусть крошечные, растут даже в жестоком, полумёртвом мире? У хиппи нет врагов, мы все — дети цветов.

— Подожди, как нет врагов? — прервал её Сва. — Вспомни Лириан, всех этих мерзавцев, которые Лави доканали. А скольких ещё они угробили и продолжают...

— Главное зло всегда внутри, притягивает мерзости других людей. Зло охотится за хрупкими, наивными, кто ещё не понял самое важное: надежда останавливает даже смерть. Я, кстати, недавно это осознала, от тебя. Надежда смотрит на мир глазами любви и веры. И жизнь продолжается. Потому-то мы сейчас и живём, вместе.

Каждый их поцелуй был знаком надежды, и жизнь летела вперёд. Сва слепнул при виде её ног, над которыми то и дело взлетала крылатая ткань.

— Ты в этом платье похожа на бабочку. Или на большую непослушную девочку.

— Нет, я послушная. А как тебе мой новый хайратничек?

— Хочешь, чтобы я тебя опять поцеловал?

— ...

На полянках, усыпанных, как после бала, пёстрыми цветочными точками, они проводили долгие часы, читали, болтали ни о чём и обо всём, загорали в обморочной духоте, умывались из садовых кранов, брызгались нагретой прелой водой, жевали размякшие бутерброды, пили чай и целовались.

— Поцелуй — это правильное отношение к миру, — с серьёзным видом говорила Лю. — Видишь это дерево? Идём, я научу тебя обнимать деревья. Они такие добрые, дают людям силу, болезни лечат.

Сва с улыбкой смотрел, как она гладит старую липу, обнимает ствол и закрывает глаза.

— А теперь моя очередь. Я тоже могу дать силы, если меня обнять.

— Ты лучше! Дерево ты моё! Самое любимое... — тонула она в его руках.

В один из вечеров, за ужином, раздался телефонный звонок. Лю выскочила из-за стола и надолго застряла в прихожей с трубкой в руке. Несколько раз Сва недоумённо выглядывал из комнаты, знаками показывая, что пора заканчивать болтовню — еда остывает. Она отмахивалась и даже прошипела, прикрыв телефон рукой:

— Не жди, ешь!

Минут через десять, когда Сва уже допивал чай, вернулась к столу и многозначительно сказала:

— Это Точка звонила. Тебе привет, кстати, передавала.

Сва кивнул:

— Ну, и о чём вы с ней полчаса болтали?

— Вовсе не болтали... Точку после похорон Лави до сих пор плющит. Весь бывший парадняк из смура не выходит. Она решила на сорок дней всех, кто захочет, в церкви собрать. Так, со свечками постоять, помянуть её в душе. А потом в «Аромат» двинуть. Я уже согласилась. Ты пойдёшь?

— Конечно, а когда?

— Через, подожди... через двенадцать дней. Время есть, можно всех знакомых собрать, кто на лето не разъехался.

— А кто остался? Нот, я знаю, на даче с мамой сидит.

— Да, Точка к ним ездила, говорит, он в память о Лави что-то сочиняет и, конечно, приедет. А всех остальных надо будет вызывать. Вот только Откол совсем пропал.

— Как это?

— Точка рассказала. Сразу после похорон Лави вернулся домой, а наутро исчез. Оставил родичам странную записку: заболел, еду ко врачам, но вы не волнуйтесь, когда вылечусь, вернусь. Они все психушки обзвонили, полисов на ноги подняли. Мади все тусовки обехала, искала его. А мы с тобой ничего не знали... Потом Откол домой по междугородке откуда-то отзвонил, сказал, что всё в порядке, лечится. А где, у каких врачей, когда вернётся — ни полслова.

Сва со вздохом поднял глаза вверх:

— Эх... Знаю, что он Лави очень любил, но совсем глухо. У Откола талант удивительный, а чем в жизни держится, непонятно. Ты с ним знакома?

— Конечно — Коля-Откол. Мне Лави о нём рассказывала. Да, она всегда в стороне от него держалась, боялась обидеть. Ценила его, но не больше. Что ж тут поделаешь? Отколу никто теперь не поможет. Только Бог.

— А если он ни во что не верит? Кому известно, что у него в душе? Может быть, для Откола врачи — это птицы, деревья, облака? А может, и монахи? Ясно, что не халаты. Кстати, ты Дика, наверное, знаешь? Вроде бы мэн совсем был опущенный, с наркоты не слезал, а после смерти Лави решил на всё забить и в монахи податься. Представляешь?

— Дик? Что-то не верится.

— Да-да! Он мне так и говорил — чтобы не задвинуться, как она. А что ему ещё остаётся?

Глаза Лю вдруг заблестели от слёз:

— Так больно, — она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. — Мы с Лави столько раз об этом говорили. Как я её убеждала: лучше уж в монастырь, чем на тот свет. Но не смогла...

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

Остров Брач на Адриатике в сентябре

На острове Брач
Горячее солнце
Прозрачное море
Холодное море
Пустынные пляжи
И горы вдали.

Чёрное море
Синее море
Лазурное море
Движение синих
Лазурных цветов.
В горном овале
Размытых чуть-чуть
Берегов.

На острове Брач
Берег зелёный
Сосны и пальмы
Колючая хвоя

Самшита и туи
Изредка красные
Крыши домов
У берегов.

Просторное море
Чистое море
И остров зелёный
Ещё не убитый
Туристов толпой.
Адриатика пой!

Корфу – Венеция

а море на солнце
(лоснилось) блестело играло
мерцало –
тяжёлая туша воды
корабль шёл стрелою
упрямо от Корфу
к невидимой цели
за горизонтом
под зонтом

небесной без края
голубизны
мы знали и
ждали
венцом путешествия
будут
Венеции дальней
огни

Алания (Турция)

Бескрайнее море
лоснится на солнце
бушует и бьётся
о берег Аланий
вечерней порой.
А небо нахмурилось
солнце накрыло
тучей с тяжёлой водой
вот-вот разродится
и всё потемнеет
и дождь проливаясь
сольётся в единстве
с морской волной.

Ия Кива

Донецк, Украина

Город у моря

Город у моря похож на подножие неба,
Ты слышишь ангелов клекот, дыхание Бога,
Четкость его камертонного чуткого ритма,

Здесь можно пить синеву, обходиться без соли
С блюдом любим, и морской водой вместо хлеба
Утром и вечером щедро кормить свое брюхо,

Или, раскинувши плечи, качаться на волнах
Длинным изогнутым стеблем в плоту Хейердала,
Шепоты мертвых армад различая сквозь тину,

Даже во сне в твоих мочках рокошет бесшумно
Память творения мира и память потопа,
Зыбкий песок чертит в воздухе буквы молитвы,

Льющейся за горизонт между небом и морем.

Фото Елены Кацюбы.
Казантип, 2012.

Мария Однолетко

Тольятти

Запах снова запахло морем и тишиной,
Мне надо в морге увидеть душу и просопеть,
Я никогда бы не была сама собой,
Если бы не умела петь,
Иду по крыше, немного ниже течёт река,
Там много чаек и много страха, и пустоты,
И где-то с неба меня хватает твоя рука,
И я общаюсь с каким-то богом от доброты.

Ничто не отдаляется, словарь
По-прежнему капризен и неистов,
Беззвёздная луна стремится в даль,
И сердце отдыхает от артистов,
Плывёт куда-то в синий небосвод,
Где нет ни многоточий, ни пророчеств,
Где сердце отдыхает от забот
И отчеств.

Огонь

Пруд пруди в мире таких как я слово дело поступки проститутки тоже как люди
как можно сказать говоря в какие-нибудь залезают
маршрутки тело дрожит мысли из раза в раз прыгают на мосты
тротуары попутки голос голос затих и уже забывает про глас ночь
забинтована вся всё с чем я боролась выше меня ниже меня как раз
слаще меня глуше меня смелее
всё что я хотела это грызть пенопласт всё что я могла быть добрее
сердце истаскано жмётся в груди маяк ночь обещает простуду и
невесомость если бы я была бы моряк то для кого никого не была бы
новость ноги в тепле голова отстает на шаг сердце вперёд навстречу
чему-то лучше тихо вокруг никто ничего не поёт тихо вокруг хотелось
чтоб было лужи вновь полумрак и какие-то звезды рядом
обосновались и ждут своего назначения знак зодиака мне опять
незнаком мне нечего больше терять теряю терпение

Ольга Реймова

У моря

Люблю эту бескрайность моря. Я сижу на скамейке-качалке на берегу серого Балтийского моря, укутавшись в плед, и смотрю на штормящие волны. Сижу не у самого края берега, чуть подальше, и до меня долетают брызги бушующей водной стихии. Вокруг никого. Только я, море и моя маленькая Алёнка. Она бежит по берегу, прыгает и что-то кричит мне. А я её не слышу, потому что морской шторм заглушает все звуки.

Алёнка была маленькая, а я совсем молодая, и нам было в эти минуты так хорошо, как никогда потом. Она радовалась новым впечатлениям, а я качалась на скамейке-качалке и мечтала о чём-то или о ком-то несуществующем вовсе.

— Мама, я янтарь нашла, — кричит счастливая Алёнка.

— Покажи, — громко кричу я, чтобы она меня услышала.

А морской шум заглушает наши голоса. В такой день мы долго сидим на берегу, дышим морским воздухом, оздоравливаемся. Нам не холодно, она в куртке, а я закуталась в плед. Такие дни здесь часто бывают. Алёнка собирает янтарные камушки, и мы с ней их долго разглядываем.

Потом уже становится совсем прохладно, и я говорю, что нам пора домой. Она не возражает, потому что знает, что сейчас мы зайдём в ресторан BANGA и очень вкусно поужинаем. Я закажу всё, что она пожелает, а себе возьму рыбу и горячий кофе. Официант будет очень вежлив и приветлив, там так принято с клиентами. И тихая музыка. После морского шума, здесь кажется тихо и божественно уютно.

Алёнка рассматривает всех широко раскрытыми глазами и часто глазами показывает на кого-нибудь, кто привлёк её внимание.

Фото **Елены Кацюбы.**

- Мама, – спрашивает меня Алёнка, – а почему ты не выйдешь замуж ещё раз?
- А ты этого хочешь?
- Да, хочу. Хочешь, я сама тебе найду мужа?
- Да что ты говоришь! – смеюсь я.
- Вот сейчас выберу, подойду и скажу ему: хочи-те жениться на моей маме?
- Это что морской ветер тебе нашептал? Нет, Алёнка, не хочу. Мне с тобой так хорошо, что лучше не бывает.
- Но ты так часто грустишь, я думала тебе скучно.
- Ну что ты! Грущу просто так. Грусть – она помогает во многом разобраться. А если всегда весело, то многое проходит мимо тебя незамеченным.
- Я вот думаю, вы с папой так похожи друг на друга, а вместе не живёте. Значит вы не нравитесь

Максим Зигизмунд

По шашечкам клавиш,
в пальцы вплетается море –
приостанавливаемый у ладоней
глоток, скользящий
в кровь, и по венам
грациозно ласкает порок –
дивная свежесть касаний;
шагая вперед, распускается
воля, вонзаясь в висок,
через шею, окаймляя
линию лунного лона,
спускаясь сквозь скалы,
как капля источника
рода – рождает новое
лоно, из моря природы.

Знаешь, окна умеют плавать,
Главное только смотреть.
Она, в самом деле, обычная рама,
Только с какой стороны вертеть?
А еще отражает наружу –
Это такая большая материя,
Что слово «мистерия»,
В голове порождает стужу.

друг другу? Мне кажется, что вы как журавль и цапля. То он к тебе, а ты от него, то наоборот. Вот точно журавль и цапля.

– Ну, всё, философ ты мой! Пора расплачиваться за ужин и домой спать. Завтра обещают солнечный день и штиль на море. Будем купаться.

Ветер

Ходит ветер за мной по пятам.
Я бы скрылась, да он не отстал!
Дует прямо в лицо, рвёт одежду,
Иногда оставляя надежду.
Ты совсем озверел, ветер буйный,
Бесшабашный и очень безумный!
Успокойся, забейся в скалы,
Заберись высоко на вершины.
Обойди меня стороною...
Но...
Без тебя ещё хуже... не скрою.

Валентин Нервин
Воронеж

РЫБЕШКИ И ЗВЕРУШКИ

1
Как зверушки, выскочив
из клетки,
посыпая головы песком,
мидии, рапаны и креветки
бегали по пляжу босиком.
Мидии, креветки и рапаны
от цивилизации вдали
строили космические планы
и существовали, как могли.
В жизни так случается нередко:
наблюдаю вдоль и поперек,
что обыкновенная креветка –
самый замечательный зверек.
Ты живешь, по курсу выгребая,
никакой рапан тебе ни брат
и, похоже, мидия любая
человеколюбей во сто крат.

2
Не во сне, а наяву,
не по делу, а на пляже
продавали пахлаву

и рапанов тоже, даже.
Существует некий план,
где – по линии прибоя –
каждый сам себе рапан,
пахлава – сама собою.
На проторенном пути,
в суете да канители,
мы совсем опахлавели,
орапанились почти.
Ветер гонит облака,
волны скачут в эпатаже
и на пляжной распродаже
плачут чайки свысока.

3
Лежала девушка на пляже,
она была героиней труда.
Случается такая лажа
на белом свете иногда.
Собою дивчина богата,
но отдыхала налегке,
ее рублевая зарплата
не помещалась в кошелек.

Не фигуральными телами
определяются в труде –
она прославлена делами,
а сексуальна – по нужде.
Я восхищаюсь этой дамой,
что загорела дочерна.
Сравню ее с Барак Обамой,
но предпочтительней – она!

4
Если птицы – это рыбы,
значит, люди – это крабы.
Мы, наверное, могли бы
познакомиться, хотя бы.
На подводной дискотеке
под зелеными огнями
танцевали человеки,
шевелившие клешнями.
Были крашенные лица
и русалочки колени,
а над нами плыли птицы
в неизвестном направлении.

Рисунок **Кристины Зейтунян-Белоус**
(Париж, Франция).

Татьяна Зоммер
ДООС – Зоммерзавр

растворяясь в воздухе вечернем
становясь то птицей
то крылом
ангела
летающего над морем
бездной –
краем без краев и крыльев
я вбираю черное и белое
где-то еще солнечное
и уже ночное где-то
про-виденье
чтобы выразить потом словами
то невыразимое
что прячется в скале и камне
дереве и птице
снеге и ручье и воздухе
вечернем

Ростислав Поляков

Днепропетровск, Украина

Наверное я прошу слишком многого

Я хочу лежать под облаками
Представлять пейзажи прекрасные.
Что бы тени разукрасились яркими красками.
Познакомиться со всякими хиппи.
И встречать закаты под звуки моря.
Встречать рассветы с людьми,
Именуящими себя солнца детьми!

Я хочу увидеть там всю вселенную.
Слушать рассказы откровенные.
Что бы лучи солнца пачкали все мое тело.
Я не хочу видеть всякого беспредела.

Хочу, что бы мои сны были красочными
И рассказывали о чем-то добром.
Хочу быть пацифистом,
А не каким-то там эгоистом и вором.

Наша планета и так страдает от всего
Этого сброда.
Я хочу просто лежать с любимой на берегу моря,
И слушать, как мелодию создают прибой!
Что бы люди замечали мелочи в своих городах,
А не сидели целыми днями в своих норах.
Дарили улыбки всем, и неважно знакомы ли.
Наблюдать на какой-то высоте за своим городом!

Не были равнодушны к чужим бедам.
Не пинали за то, что человек просит на хлеб
в переходах.
Он не виноват, что государство делает его бедным.
А ты ведь не знаешь, что с тобой будет через
какое-то время.

Хочется нового времени, где не будет законов убогих.
Европейские газеты не будут делать карикатуры
На Исламского Бога,
Прикрываясь правом о свободе мысли и слова.
И что бы не было войны в странах Востока.

Да, наверное, я прошу слишком многого.
Лучше ограничиться своим периметром комнатным,
Как делают это многие.
И делать вид, что всем доволен.

Да, наверное, я прошу слишком много.....

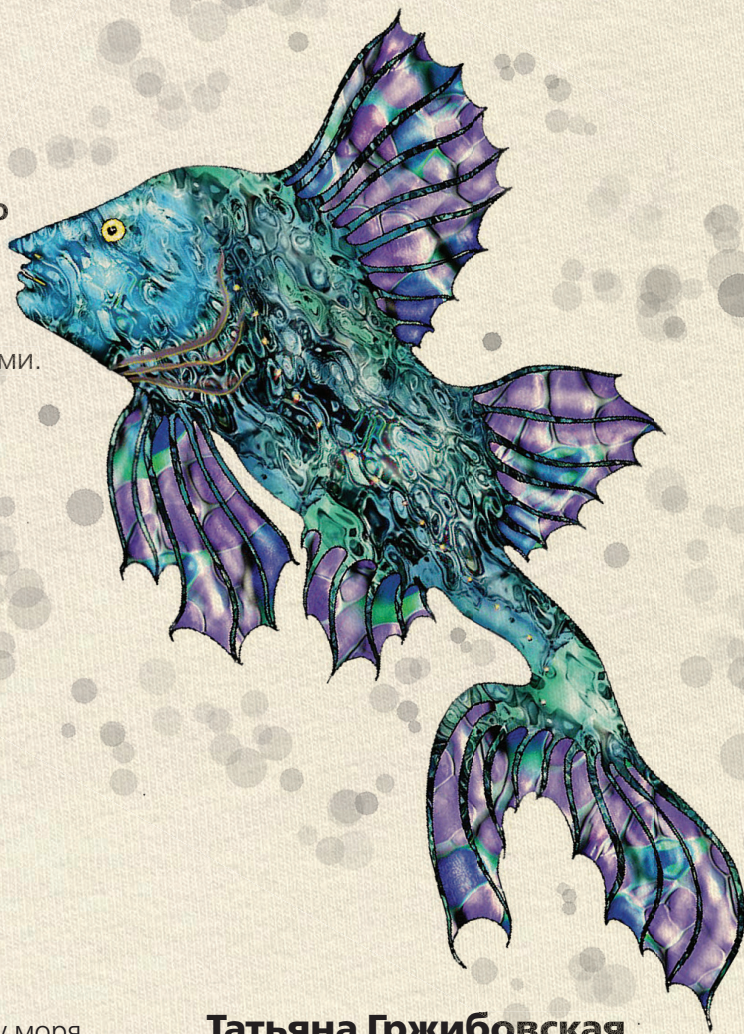

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж, Франция).

Татьяна Гржибовская

Ничто не изменилось:
те же волны
в потехе пенной полируют гальку –
разменную монету диких пляжей,
то резво, то лениво набегая,
меняя поминутно настроенье,
то кротостью понежив, то обвальным
искристым шквалом выбросив на берег.
Всё те же неизменные закаты:
громеда раскалённого светила
с дотошной точностью

скользит по глади неба
без облачка единого, без тучки,
за что бы можно было зацепиться
и вспыхнуть дать багровости заката.
Но нет!
Ни ветерка не предвещаая,
спускается палящий диск на волны
и тонет, как и прежде, обрекая
на неотрывное заката наблюденье
в надежде миг остановить счастливый,
когда Зелёный Луч заронит в сердце
предчувствие грядущих перемен.

Александр Черкашин

Томск

Закат. Воском расплавленным море.
Время – подобно пророку Ионе в брюхе кита –
Во чреве пространства.
Смотрящий на горизонт вновь повторяет «...все суета
И томление духа...»

Распороть не решаясь времени брюхо.
На его книжной полке Тора, Коран, Авеста...
Он капитан – мало кто знает – «Марии Целесты»

*Народ должен сражаться за попираемый
закон, как за стену (города).*

Гераклит Эфесский

Волны не подвластны кораблю, как и не подвластны скалам,
Не сожжет их пламя солнца.
На берегу сидящим молодым и старым,
Желающим узнать, где рвутся горизонтов кольца,
Остается лишь смотреть на воду.
Забрасывающим в море сети не понять такой свободы.

Смиренье камня – жертвенник во храме,
Молчанье, вырванное из скалы,
Омытое осенними дождями,
Не разделяет участь тления золы.

Моря, что бьются в берег – голоса всех рек...
Лишь раз на этот камень возведен был человек.

Айя Рум

Санкт-Петербург

серенада ночной сирены

серенада ночной сирены
СЕ
серенада ночной сирени
РЕ
брось запахи, оставь звуки
БРО
щека на шершавом граните
ТЕ
теплый портвейн в горло из горла
ЛА
белые ночи
ЧИ
теплая кожа
ЖА
сон в летнюю ночь...

пересолив себя счастьем
я рухнула прямо в море
и корона брызг сказала
мне – я королева
синее море справа
синее небо слева
во мне так много любви
как в золотой акуле
но ты отойди подальше
во мне и зубов не меньше

Фото Елены Кацубы.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

Набросить на небо переплет окна.
Сквозь образец прозрачности
Постигать красоту пустоты.
Праздностью созерцателя
Заполнить бесконечность.

Ты унес с собой
Нежность молчания.
Оставив эхо одиночества.
Дождь до крови
Расцарапал окно.

За щекой берега
раскатистые волны
на шершавом
языке моря
сладостно
перекачивают
каменные
солёные
леденцы...

Какая бездомность
Овладевает миром,
Растворяя несбывшееся
В нейтральных водах желаний,
Где купаются стрелки часов.

Ольга Филиппова

Каменск-Шахтинский

Бабочки из ЯСов*

зимний апокриф.....Ф.....фугу метелей
прошлой весной сочинял.....Л.....листья и стебли поймут
лето настало.....О.....очень буквально
слово на ветер.....Р.....роспись по шёлку
зернышко в лоно земли.....И.....ищущий выход цветок
замысел вырос.....С.....стал распускаться
собран осенний букет.....Т.....только ударил мороз
руки озябли.....И.....иней белеет
куплена за пятак.....К.....кажется будто вчера
новая ваза.....А.....астры завяли

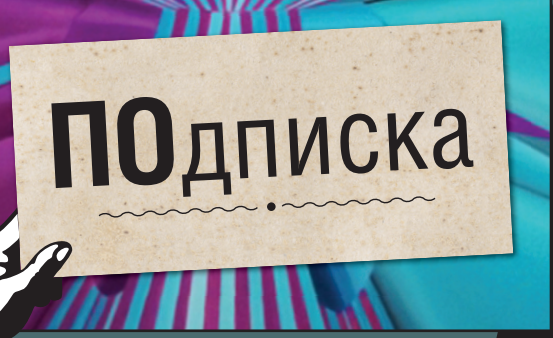
цветных осколков.....В.....в калейдоскопе
полно. Мечты разбили.....И.....излом узора словно
поэму сложа.....Т.....текущий полдень
шуршит фломастер.....Р.....рисуешь солнце
вдали клубится туча.....А.....а мне с тобой тоскливо
дождь не надолго.....Ж.....жара всё та же
кораблик из бумаги.....И.....и море впечатлений
причал построю.....Ю.....южнее детства
люпин на клумбе ожил.....Л.....ликуя, не погаснет
пчелу пришила.....Я.....ярчайшей вспышкой

*ЯС расшифровывается как японский сонет. Правда, к японцам он не имеет прямого отношения. Придумали эту форму в России не так давно, лет семь назад. Но этого, наверное, показалось мало, поэтому додумались до бабочек, которые состоят из двух сонетов. Слева ЯС-телестих, справа ЯС-акrostих. Сводятся они чаще всего так, чтобы можно было прочесть каждый по отдельности и всё вместе, забыв на время, что их разделяет туловище.

Авторитетная Российская библиотечная ассоциация рекомендует библиотекам, какими периодическими изданиями комплектовать свои фонды. А также отмечает качественные СМИ знаком отличия «Золотой фонд прессы». В их числе «Журнал ПОэтов».

Внимание!

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

105 руб. 60 коп.

ПОдписной индекс: 81745

«Журнал ПОэтов»

Учредители
ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция
группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет
Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук; профессор **В. Вестстейн** (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий — доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); **В.Нарбикова; В.Рабинович** — профессор Института культурологии

Арт-директор — **Игорь Маркин**
Макет номера — **Елена Кацюба**

На 1 стр. обложки — рисунок Константина Кедрова
Название номера — первая фраза рассказа М.Горького «Мальва».

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Тираж 4000 экз.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Цена свободная.
Номер подписан в печать 20.08.2013
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции
125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1
Телефоны:
(499) 791 0398 — для справок
(499) 791 0403 — распространение
(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на **81745** (индекс издания)

журнал **ПОэтов**

(наименование издания)												количество комплектов
на 2013 год (по месяцам):												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

			на <input type="text"/> 81745 (индекс издания)									
ПВ	место	литер	журнал									
журнал ПОэтов												
(наименование издания)												
СТОИМОСТЬ	подписки	руб.	коп.									
	переадресовки	руб.	коп.									
количество комплектов												
на 2013 год (по месяцам):												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (Фамилия, инициалы)

Из архива ПО

День рождения Владимира Маяковского. Музей Москвы, 19 июля 2013 г.
Презентация Журнала ПОэтов № 6 «Маяк 120», посвященного 120-летию В. Маяковского,
Слева направо: Герман Виноградов, Маргарита Аль, Ольга Адрова, Василиса-Дада Виноградова,
Константин Кедров, Елена Кацюба, Виктор Клыков. Фото Николая Сазонкина.

БИБЛИО-ГЛОБУС

55 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»